

АННАЛИЗА ЭЙВЕРИ

ОГНЕННАЯ
ОБИТЕЛЬ

#эксмогетштзо

Обещание ночного серебра. Фэнтези для подростков

Анализа Эйвери
Огненная обитель

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

Эйвери А.

Огненная обитель / А. Эйвери — «Эксмо», 2022 — (Обещание
ночного серебра. Фэнтези для подростков)

ISBN 978-5-04-193029-5

Предсказание судьбы не обмануло Пейсли: она столкнулась со смертью. Только звёзды не знали, что ей удастся вернуться из Завесы в мир живых. Но готова ли Пейсли к новой судьбе?.. Её брата Дэкса похитили свирепые всадники драконов, кригары. Пейсли предстоит отправиться в непредсказуемое путешествие в ледяные королевства Севера, чтобы его вернуть. А тем временем последовательница драконов подбирается всё ближе. Как теперь она вторгнется в судьбу Пейсли? История заинтересует любителей стимпанка, загадочных предсказаний, древних легенд и драконов!

УДК 821.111-93

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-193029-5

© Эйвери А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава первая. Язык скорби	7
Глава вторая. В гостях хорошо, а дома лучше	13
Глава третья. Звёзды и тёмные полосы	19
Глава четвёртая. Яичница из драконьих яиц	23
Глава пятая. Георг	29
Глава шестая. Круглая комната	33
Глава седьмая. Обещание Георга	37
Глава восьмая. Вокзал Кингс-Стар	40
Глава девятая. Тёмные глубины Лондона	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анализа Эйвери Огненная обитель

*Посвящается Джейсону, потому что прямо сейчас он разделяет
со мной течение времени и открытия вечности*
C.vii

«Quam bene vivas refert non quam diu».
Сенека¹

Annaliese Avery

THE NIGHTSILVER PROMISE #2: THE DOOM FIRE SECRET

Text © Annaliese Avery, 2022

Original edition is published and licensed by Scholastic Children's Books, a division of Scholastic Limited.

© Ефимова Е. М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава первая. Язык скорби

Скорбь терзала душу Пейсли Фицуильям, взывая к девочке из глубины сердца, пока Пейсли вела Оделию и остальных по скованным морозом улицам Нижнего Лондона.

– Пейсли, с вами всё в порядке? – спросил Корбетт.

Оделия зыркнула на него и громко цокнула языком:

– Разумеется, с ней не всё в порядке. Разве может быть всё хорошо, если мать умерла, а кригары посадили твоего брата на спину дракону и увезли в ледяные Северные королевства?

– Вряд ли, – тихо ответил Корбетт. – Но ведь так принято. Люди обычно спрашивают «Как вы?» и «Не хотите поговорить о своей потере, о своём горе?».

Пейсли ничего не ответила, только молча посмотрела на Корбетта, а потом перевела взгляд на Хэла. Оделия стояла рядом с ним, одной рукой крепко удерживая паренька за предплечье – фактически она тащила его за собой по улице. Хэл всё ещё был в своей лёгкой форме кригара: в тёмных штанах из драконьей кожи и тунике военного кроя из того же материала. Летать на спине дракона очень холодно, ведь на большой высоте температура низкая, однако чешуйки сохраняли тепло, защищая всадника от непогоды и от врагов: мало какое оружие способно пробить драконью шкуру.

Хэл грустно улыбнулся Пейсли, в свете раннего утра его единственный глаз блестел и был виден воспалённый красный шрам, тянущийся от лба, под глазной повязкой и до самого подбородка.

– Мы, жители Северных королевств, когда теряем своих любимых, обязательно прославляем их жизнь, вспоминаем, как они жили, и рассказываем истории об их деяниях – об этих же делах говорят знаки кригаров, если человек при жизни был удачлив. – Хэл указал на ярко-голубые татуировки вокруг своей шеи, поднимающиеся к выбритым вискам. Волосы в центре его черепа были заплетены в длинную косу, напомнившую Пейсли причёски ходящих с драконами из хранилища в Верхнем Кенсингтоне.

Пейсли шагнула к нему:

– Не надо учить меня скорбеть. Не нужно рассказывать мне об утратах. Моего брата здесь нет, потому что твои люди его похитили! Я не допущу, чтобы он стал очередной голубой отметиной на чьём-то теле. Ты, Хэл Северянин, сможешь мне вернуть брата – уверена, я сумею обменять тебя на него. Если ты посмеешь как-то помешать мне это сделать, если добавишь мне ещё хоть каплю горя, мы не возьмём тебя с собой на север: мы оставим тебя здесь и предадим в руки людей двора – уж они-то с тобой разберутся.

Улыбка исчезла с лица Хэла, на скулах заиграли желваки, взгляд, устремлённый на Пейсли, стал серьёзным:

– Похоже, ты придумала хороший план. На твоём месте я бы тоже предпринял нечто подобное.

Пейсли отвернулась от кригара и остальных и крепко зажмурилась. В голове у неё одна за другой вставали страшные картины минувшей ночи: сражение в Гринвичской обсерватории, машина, созданная её матерью, эксперимент. Тёмная драконица вонзает клинок прямо в сердце Пейсли.

Девочка помнила, как провалилась за Завесу – какой одинокой и всеми покинутой там себя чувствовала. Там она встретила отца, но он отправил её обратно, и в результате Пейсли лицом к лицу встретила Тёмную драконицу, увидела, как умирает её мать и похищают Дэкса; ещё она поняла, что её дядя Гектор всех их предал.

Когда Пейсли думала о том, что её мать лежит на холодных камнях, а глаза её навсегда закрыты, она видела эту картину как наяву, но не осознавала до конца. Этот образ казался ей далёким, словно всё это случилось с какой-то другой Пейсли: быть может, с той, какой она

была до того, как попала за Завесу. Однако сейчас эта отстранённость успокаивала её, она со страхом думала о том, что будет, когда она прочувствует свою потерю.

Пока они шли по обледеневшим улицам Нижнего Лондона, Пейсли казалось, будто стены домов давят на неё. Мама умерла, Дэкса забрали, и в глубине души она ощущала огромную пустоту; словно чёрный провал Завесы вновь придвинулся к ней и отнял жизненно важную часть её тела, как это было с рукой Тёмной драконицы, а вместо этой похищенной части осталось липкое ничто.

– Пейсли? – Корбетт тронул её за плечо.

Она повернулась к нему:

– Послушайте, Корбетт, со мной не всё в порядке. Я хочу сказать: мне плохо. Моя мать... – Она судорожно, со всхлипом втянула в себя воздух, потом медленно выдохнула, и в холодном воздухе её дыхание стало паром – прямо как дым, вырывающийся из пасти дракона. – Но Дэксу нужна моя помощь, и я должна его вернуть. – Пейсли поняла, что её голос дрожит, кашлянула и с усилием проглотила ком в горле. – Поэтому прямо сейчас я думаю только об одном: как вернуть Дэкса. – Пейсли сердито взглянула на Хэла.

Всем известно, что жители Северных королевств сущие варвары, безграмотные, и им нельзя доверять. В истории полно примеров их предательства по отношению к Империи Альбион и Верховному Конструктору, а теперь они похитили Дэкса.

Пейсли посмотрела на проплывающий сверху Верхний Кенсингтон, на его огромный, похожий на снежный шар купол, искрящийся на фоне ярко-синего зимнего неба, и в её душе с новой силой вспыхнул гнев. Столько всего изменилось с тех пор, как они покинули парящий район. Изменился бы её путь, если бы они с Дэксом не пошли в Драконье хранилище, не предприняли попытку спасти маму? Может быть, тогда их мать была бы сейчас жива? Похитили бы Дэкса? Пейсли вздохнула. Никто не может избежать предначертанного ему пути; что бы она ни делала, в конечном итоге шестерёнки Небесного Механизма всё равно привели бы её к нынешней ситуации.

– Куда мы идём? – напряжённо спросила Оделия. Она вся напружинилась и крепко держала кригара за предплечье.

Пейсли перевела взгляд с Хэла на Оделию и поняла, что для этой парочки весьма опасно находиться на улицах Нижнего Лондона.

– Наш дом недалеко отсюда, – решила она.

– Вы уверены, что это разумно? – спросила Оделия. – Тёмная драконица может явиться туда в надежде найти вас.

– Может. Но, увы, я не знаю, что ещё предложить. Нам не стоит оставаться на улице, нельзя разгуливать по городу так открыто. Если нас обнаружат люди короля...

– Я согласен с Пейсли, – заявил Корбетт, глядя на Хэла и Оделию. – Кроме того, можно ведь сначала убедиться, что дорога свободна, и только потом войти в дом.

– Как только мы окажемся в безопасности, сможем придумать план возвращения Дэкса, – добавила Оделия.

Пейсли слабо улыбнулась Корбетту и Оделии: потеря брата оставила в её сердце огромную дыру, даже если пока она ничего не чувствует. И она знала, что, когда горе нахлынет на неё, Оделия и Корбетт будут рядом и не дадут ей упасть в эту бездну.

Они снова зашагали по улице. Проходя мимо Хэла, Пейсли обошла его по широкой дуге, однако не спускала с него глаз: кто знает, вдруг он попытается выкинуть какой-то фокус и подвергнет их опасности.

– Что вы там видите? – спросила Пейсли, заметив, что Корбетт смотрит в небо.

Паренёк надел пальто Таракана, которое тот сбросил, убегая, но Корбетту оно оказалось велико и висело на нём мешком. Он поднял воротник и задрал голову, неотрывно глядя

вверх, однако его руки шарили по многочисленным карманам; наконец он вытащил маленький бинокль и поднёс к глазам.

– Что там? – спросила Пейсли.

Корбетт, вскинув руку, указал на подёрнутое лёгкой дымкой утреннее небо.

– Видите ту звезду? – спросил он. Пейсли кивнула. – Так вот: это не звезда!

– Это комета Вольстенхольма? – спросила Пейсли. У неё сжалось сердце при мысли о комете, которую машина её матери притянула к Земле.

– Нет, на самом деле это не комета. Это планета, и она не должна здесь находиться.

– Что?! Как такое возможно?! Где же ей полагается быть?

Однако Корбетт так и не ответил. Увлёкшись разглядыванием в бинокль загадочного объекта, он не заметил, что шагавшая впереди Оделия резко остановилась на краю тротуара, и врезался ей в спину. Оделия проворно отпрыгнула в сторону, но мальчик по инерции полетел вперёд: ещё секунда – и он рухнул бы ничком на мостовую. Однако этого не случилось – Хэл поймал его за воротник пальто и удержал, подняв над проезжей частью.

Пейсли резко повернула голову – одновременно с ней это сделал и Корбетт – и увидела стремительно мчащийся по дороге омнибус. Девочка вскрикнула и бросилась на помощь, но тут Хэл быстро дёрнул Корбетта назад и благополучно втянул на тротуар. Омнибус со свистом пролетел мимо.

– Ещё бы чуть-чуть... – пробормотала Пейсли, касаясь руки Корбетта. С отчаянно колотящимся сердцем она посмотрела вслед удаляющемуся омнибусу. – Вы оба в порядке? – Если бы что-то случилось с Корбеттом или Оделией, Пейсли не сомневалась: у неё бы сразу же прибавилось неприятностей. Она вдруг осознала, что друзья нужны ей не только для того, чтобы вернуть Дэкса.

– Вы спасли меня, – пролепетал Корбетт, потрясённо глядя на Хэла.

– Да, спасибо, кригар, – сказала Оделия и одобрительно кивнула Хэлу, однако потом резко повернула голову и посмотрела куда-то на другую сторону улицы.

Проследив за взглядом ходящей с драконами, Пейсли поняла, что так встревожило юную воительницу: по тротуару шли двое людей двора в чёрной с красным форме. Стражи закона пристально разглядывали Хэла: очевидно, его ярко-голубые татуировки, а также форма из драконьей кожи на тихой, безлюдной улице бросались в глаза.

Оделия шагнула вперёд, заслонив собой кригара, откинула за спину плащ и схватилась за рукоятки висящих на поясе кривых мечей.

– Именем короля Георга приказываю: стойте там, где стоите! – прокричал один из людей двора.

– Бежим! – завопила Оделия.

Все четверо повернулись и помчались по улицам Нижнего Лондона туда, откуда пришли, а люди двора, гонясь за ними, свистели в свистки, призывая подмогу.

Оделия стремительно обогнала остальных и возглавила группу беглецов, дабы увести их подальше от опасности. Пейсли ничуть не удивилась, увидев, что Корбетт ни на шаг не отстаёт от ходящей с драконами: страх заставлял его бежать быстрее. Пейсли держалась позади Хэла – следила, чтобы он под шумок не улизнул. Она не даст ему возможности сбежать.

Пейсли оглянулась на бегу: люди двора не отставали; между тем, следуя за Оделией, беглецы направлялись к крытому рынку, полному прилавков и торговцев, готовящихся к рабочему дню.

Пейсли схватилась за свою бешено болтающуюся сумку и прижала её к боку, но опоздала: сумка, ударив прохожего, сбила его с ног, и он что-то сердито прокричал ей вслед. Девочка мельком отметила, что её тело стало на удивление сильным и гибким: пожелай она – и с лёгкостью обогнала бы даже Оделию. Боль от ран, полученных ночью, полностью исчезла, остались только воспоминания о событии.

Вновь оглянувшись, Пейсли увидела, как сбитый ею человек поднимается на ноги – и тут же сталкивается с одним из людей двора.

– Остановите этих детей! Это кригары! – заорал другой служитель закона.

К беглецам устремились несколько торговцев, и Пейсли увидела, что их с Хэлом отрезали от Оделии и Корбетта – те уже бежали к выходу, расположенному с другой стороны здания рынка. За ними, размахивая багетом, гнался какой-то человек и ещё один, вероятно мясник, судя по кожаному фартуку.

Хэл резко остановился и заозирался. Пейсли схватила его за руку и, потянув за собой, побежала, лавируя между прилавками – она хотела оторваться от не в меру законопослушных торговцев и тоже добраться до выхода. Девочка вспрыгнула на тележку с цветами и повернулась, чтобы помочь Хэлу, но тот ловко взлетел на тележку, и они вместе помчались по соседнему ряду прилавков, а потом перемахнули на другой.

Пейсли чувствовала разлитые в воздухе странные электриковолны – словно её страх и тревога вырвались наружу. Они с Хэлом со всех ног бежали к распахнутой двери. Когда до выхода оставалось всего несколько метров, дверная створка захлопнулась, отрезав им путь к бегству. Пейсли посмотрела на Хэла – тот тяжело дышал, и, щурия единственный голубой глаз, так вертел головой по сторонам, что длинная светлая коса хлестала его по бокам; паренёк весь напряжился и слегка пригнулся, словно готовился драться. Вдруг выпрямился, лицо у него вытянулось, а глаз округлился.

Пейсли повернула голову и увидела, что в воздухе между ними с Хэлом и преследующими их людьми колышется большой чёрный сгусток Завесы: невероятно тёмный, он всасывал в себя весь окружающий свет.

Пейсли попятилась, упёрлась спиной в дверь и почувствовала, что Хэл стоит рядом.

– Похоже, это штука из обсерватории. Как думаешь, она следует за нами оттуда? – спросил кригар.

Пейсли не веря своим глазам взирала на чёрную дыру:

– Не знаю. В смысле вполне возможно. До прошлой ночи я никогда не видела ничего подобного. Думаю, такие образования – это Завеса – не вся, конечно, так, отдельные её части, маленькие капли пустоты, просочившиеся в наш мир... что-то вроде того.

Пейсли вспомнила, как в обсерватории чёрная дыра приблизилась к дяде Гектору, и оттуда донёсся голос её отца. Отец умер четыре года назад, и всё же она увидела его, когда оказалась за Завесой.

Пейсли бессознательно приложила руку к груди, коснувшись того места, где клинок Тёмной драконицы недавно вонзился в неё.

Она видела страх на лицах людей, стоящих с другой стороны от чёрной дыры, когда та вдруг увеличилась и разделилась на две части. Пейсли почувствовала, как её будто что-то тянет к этим двум сгусткам пустоты, и поняла, что каким-то образом связана с этой штукой. Она не могла до конца осмыслить суть этой связи или объяснить её – просто знала, как знает, что вода мокрая, а любовь порой может причинить человеку боль. Широко открытыми глазами Пейсли смотрела, как один чёрный сгусток полетел в сторону толпы и люди в панике начали разбегаться и прятаться за прилавками. Второй сгусток рванулся к ней. Пейсли стояла, не в силах сдвинуться с места, а чёрное облако бесконечной темноты скользило по воздуху прямо на неё, надвигаясь неотвратимо и целенаправленно.

Хэл сбил Пейсли с ног, и обрывок Завесы проплыл у них над головами, издавая тихое гудение, словно электриколампочка. Пейсли в ужасе видела, как сгусток тьмы, шипя и искрясь, проходит сквозь закрытую дверь, поглощая ту часть створки, с которой соприкоснулся. Потом гудение стихло, и сгусток исчез, оставив в двери огромную дыру. Края отверстия были гладкие и ровные, словно дверь выглядела так изначально.

Хэл проворно вскочил на ноги и бросился к дыре, с силой потянув Пейсли за руку. Девочка замерла, испуганно глядя, как второй тёмный сгусток безмолвно движется по торговому залу. Владельцы ларьков и ранние покупатели с пронзительными криками разбежались кто куда, а чёрная дыра всасывала всё, к чему прикасалась, и в конце концов исчезла так же внезапно, как и появилась.

В панике люди разбежались с рынка и звали на помощь, вопя во всё горло.

– Очнись, нужно уходить! Скоро сюда подтянется ещё больше этих ваших людей двора! – Хэл потянул Пейсли за собой.

Беглецы повернули на ближайшую улицу, потом на вторую, на третью и наконец юркнули в переулок и остановились, чтобы отдышаться. Пейсли согнулась пополам так, что огненно-рыжие волосы упали ей на лицо.

– Эти штуки... Как, по-твоему, это ворота за Завесу? – спросил Хэл, так высоко вздёрнув бровь, что она оказалась над глазной повязкой.

– Да... Нет, не ворота... Вряд ли тебе захочется пройти сквозь них: ты же видел, что случилось с дверью. Не думаю, что внутри там что-то хорошее, – ответила Пейсли. – Если бы мама была здесь, она бы провела какой-нибудь эксперимент, попыталась понять, как они действуют и из чего состоят. – Пейсли снова неосознанно схватилась за сердце, вспоминая, как её тянуло к обрывку Завесы и как она ощутила странную связь с этим сгустком тьмы.

В эту минуту с неба слетела Оделия, буквально тащившая на себе Корбетта. Пейсли испытала облегчение, увидев, что её спутники живы и невредимы.

Оделия выпустила Корбетта, и тот, пошатываясь, отступил в сторонку, а юная ходящая с драконами сложила за спиной свои прекрасные крылья и прикрыла их плащом.

– Держи. – Она протянула Хэлу платок цвета зелёного мха, и кригар накинул его на голову на манер капюшона, прикрыв свои татуировки. Платок оказался длинный и свисал до колен, скрыв и лёгкую форму кригара. – Что произошло? Почему все в панике выбегали из здания рынка? – спросила Оделия.

Пейсли взглянула на Хэла и покачала головой:

– Обрывки Завесы, те самые, из обсерватории... были здесь.

Оделия серьёзно посмотрела на Пейсли:

– Любопытно. Люди двора отвлеклись, нужно этим воспользоваться.

Пейсли снова повела друзей к своему дому, но на этот раз старалась пробираться тёмными закоулками и извилистыми переходами. На вымощенных булыжником тротуарах совсем не было прохожих, и всё же Пейсли то и дело озиралась, но не из страха перед людьми двора: она опасалась появления новых обрывков Завесы. Размышляя о странной связи между ней и этими фрагментами пустоты, она содрогалась при мысли о том, как эти образования поглощали всё, к чему прикасались, оставляя в мире зияющие пустоты – такую же пустоту Пейсли ощущала внутри себя после гибели матери.

Глава вторая. В гостях хорошо, а дома лучше

Когда Пейсли подошла к крыльцу дома, дверь была приоткрыта.

– Ау!.. Миссис Кин? – с надеждой позвала девочка, распахивая дверь шире. – Дэкс?

Ответом ей была тишина, и Пейсли почувствовала себя глупо.

Оделия выставила перед собой руку, не давая Пейсли пройти в коридор, потом сняла с пояса один из кривых мечей и передала Корбетту.

– Присматривайте за кригаром, – велела она, вытащила из ножен второй меч и крадучись вошла в дом.

– Погодите, зачем мне меч?! – всполошился Корбетт.

– А как ещё вы его остановите, вздумай он сбежать? Примените свои выдающиеся навыки рукопашного боя?

Корбетт неловким движением поднял меч, держа его под неправильным углом, и направил на Хэла.

Кригар усмехнулся уголком рта и поднял руки.

– Поверьте, это лишнее. Идти мне некуда, и, как это ни удивительно, я считаю, что с вами мне находиться безопаснее, чем в компании людей двора, – сказал он, серьёзно глядя на Пейсли.

Девочка проигнорировала его слова и следом за Оделией вошла в дом. Хэл шёл за ней, а замыкал шествие Корбетт, направив остриё меча в спину кригару.

Оделия быстро обследовала первый этаж, всякий раз кивком показывая Пейсли, что в очередной комнате никого нет, затем двинулась наверх.

Пейсли вошла в библиотеку. В последний раз она была здесь вместе с Дэксом: брат разложил на столе карты Империи Альбион, а вместе с ними карты Северных королевств и Восточных империй. Теперь же стол был пуст.

Дверь в кабинет матери была приоткрыта, и у Пейсли ёкнуло сердце: в комнате двигалась какая-то тень. Она быстро прошла через библиотеку и рывком распахнула дверь. Внутри никого не оказалось, однако оконные занавески колыхались от холодного зимнего воздуха: окно было приоткрыто.

Пейсли метнулась к окну, выглянула наружу и оглядела задний двор. На снегу темнели чьи-то следы, но она сдержала порыв броситься в погоню за незванным гостем, кем бы он ни был, и, с громким стуком захлопнув оконную створку, обвела взглядом комнату.

– Что стряслось? – спросил вошедший Корбетт. У него за спиной стоял Хэл и осматривал кабинет.

– Здесь кто-то был, – ответила Пейсли. – Она пристально оглядывала полки – вдруг какая-то вещь окажется не на своём месте.

Кабинет матери остался таким же, каким всегда был до её похищения Тёмной драконицей, – везде чистота и порядок. Пейсли шагнула к книжному шкафу, провела длинными пальцами по корешкам книг и на мгновение зажмурилась, осознав боль потери.

Корбетт тоже осматривал комнату, пытаясь понять, все ли вещи на своих местах; как ученик Виолетты Фицуильям он часто бывал в её кабинете и неплохо знал, где что лежит. Хэл стал бродить по комнате, вертя головой по сторонам, потом остановился перед письменным столом и взял небольшую книжку в переплёте из драконьей кожи.

– Дневник моей матери, – сказала Пейсли, протягивая руку к Хэлу.

Кригар сделал вид, что отдаёт ей книжечку, но, когда девочка уже хотела её взять, резко отёрнул руку. Пейсли снова протянула руку и ожгла Хэла взглядом.

– Отдай, – потребовала она.

– Извини, я просто пошутил, не нужно было этого делать. Вот, держи, – и Хэл вложил книжечку в руку девочке.

Пейсли перевернула дневник и погладила мягкие бархатистые чешуйки драконьей кожи на обложке.

– Но разве ваша мама не взяла с собой дневник в тот день, когда её похитила Тёмная драконица? Как же он сюда попал? – спросил Корбетт.

Пейсли бросилась к окну и снова его распахнула.

– Таракан! – завопила она, перегнувшись через подоконник. Ответом ей была тишина: загадочный посетитель наверняка уже успел уйти далеко. Девочка захлопнула оконную створку, чувствуя, как злые слёзы обжигают глаза. «Как он посмел сюда явиться?! Как он только посмел?!» Она прижала книжечку к груди. Она больше не чувствовала себя здесь как дома: всё тепло родного очага исчезло словно из мёртвого ночного серебра.

Оделия вошла и встала рядом с Корбеттом.

– Всё чисто, – отрапортовала она.

– Но кто-то здесь определённо был. – Пейсли указала на дневник, потом открыла его наугад и посмотрела на записи, сделанные изящным почерком матери, и на рисунок Камня Сердца, некогда спрятанного внутри карманных часов.

Между страницами книжечки лежал плотный белый конверт с печатью механиков. Пейсли перевернула его и с удивлением обнаружила своё имя, напечатанное на старокельтском.

У неё пересохло во рту.

– Что это? – спросила Оделия.

Пейсли, держа конверт, нащупала в нём какой-то твёрдый предмет. У неё ёкнуло сердце. Сломав печать, она вытащила письмо и прочитала его вслух:

Пейсли Фицуильям

Нам стало известно, что Верховный Конструктор счёл нужным даровать вам вторую комбинацию звёзд. Ваше возрождение создало новый путь в мире, и управлять им призван новый набор звёзд. Это событие крайне необычно и, насколько нам известно, ещё никогда не случалось в Механизме. Однако намерения Верховного Конструктора всегда ясны и верны, как и ваш путь; пусть это знание хранит вас на пути, определённом для вас звёздами.

Мы, механики, посвятили свои жизни служению и неустанно следим за тем, чтобы звёзды вели каждого человека на его пути; мы не судим, не выносим приговор, однако мы трудимся, чтобы просвещать всех, кто к нам взывает.

Пожалуйста, как можно скорее явитесь в ближайшую часовню механиков для получения ваших вторых звёзд и не сомневайтесь, что, как сказано в Светокопии, «все пути ведут вперёд, а все звёзды направляют».

Плавных вам поворотов,

Астром Фе Старз

У Пейсли голова пошла кругом, словно в мозгу вращались плотно пригнанные друг к другу шестерёнки Небесного Механизма. Она прожила почти четырнадцать оборотов без всякого направляющего покровительства звёзд, судьбы или чётко определённого пути: скиталица в этом огромном мире. О, как сильно ей хотелось получить собственные звёзды, хотелось стать такой же, как все жители Империи. Всего несколько дней назад, узнав, что Верховный Конструктор всё-таки даровал ей комбинацию звёзд, она ликовала от счастья.

Однако потом звёзды забрали у неё слишком много, принеся взамен только горе. Пейсли была уверена, что больше не выдержит такого испытания – кто знает, что сулит ей новый набор звёзд?

– Вторая комбинация звёзд! Я никогда о таком не слышал! – воскликнул Корбетт.

– Я тоже ещё не встречала человека, который бы пережил свои звёзды, попал за Завесу и вернулся, – добавила Оделия, выгнув бровь.

Пейсли чувствовала себя так, словно её путь дрожит. С того самого момента, как она сунула руку в схематику и звёзды её судьбы отпечатались на её запястье – как это происходило со всеми подданными Георга, – её не покидало ощущение, будто мир уходит у неё из-под ног.

«Твои звёзды говорят, что ты потерпишь неудачу. Твои звёзды говорят, Пейсли Фицуиллям, что до конца твоего четырнадцатого оборота твой путь закончится и ты умрёшь».

От удара ножом Тёмной драконицы она умерла, но затем вновь вернулась к жизни.

Пейсли почувствовала, как её окатывает волна жаркой тревоги; она пыталась не думать о том, что где-то неподалёку плавают обрывки Завесы, и о том, что предыдущие звёзды привели её за Завесу. А не получи она первые звёзды, умерла бы она? Вернулась бы к жизни? Она сложила письмо – плотный пергамент хрустнул под пальцами – и, запихивая его обратно в конверт, заметила лежащий внутри маленький медный диск. Всё в ней восставало против того, чтобы получить второй набор звёзд, ведь они словно в насмешку сулили ей судьбу, управлять которой она не могла, которую не выбирала; вдобавок вторые звёзды, как и предыдущие, вполне могли привести её к печальному финалу. Пейсли вспомнила, как в последний раз видела мать, и, сжав конверт в кулаке так, что металлический диск впился в ладонь, запихнула письмо в сумку.

– Вы же собираетесь получить вторые звёзды, правда? – У Корбетта округлились глаза.

Пейсли помедлила, прежде чем ответить:

– Нет, не собираюсь. Что хорошего они принесли мне в прошлый раз? – Она злилась на свои звёзды и сердилась на Верховного Конструктора за то, что он их ей дал. – Мои предыдущие звёзды сказали, что я умру и... Что ж, мы все знаем, что вышло в итоге. Думаю, пока я не получила звёзды, моя жизнь шла вполне неплохо, и я не сомневаюсь, что прекрасно смогу прожить и без них.

Хэл прислонился к книжному шкафу и издал негромкое «ха»; Пейсли уставилась на него.

– Мы в Северных королевствах так и живём, – пояснил кригар. – Никакие звёзды нас не ведут, никакие механики не предрекают нам, каким путём нужно следовать. Мы сами куём собственную жизнь своими делами, как поступали наши предки ещё до появления Механизма.

Пейсли переступила с ноги на ногу, ей стало не по себе. До сих пор ей не приходило в голову сравнивать собственные беззвёздные скитания с образом жизни варваров севера. Большую часть своей жизни она чувствовала, что у неё нет цели, что она плывёт по течению, не имея определённого пути, – даже сейчас, после всего произошедшего, её не покидало это ощущение.

– Разве вы не хотите узнать, что ждёт вас на жизненном пути? – спросил Корбетт.

Пейсли покачала головой, а Оделия сказала:

– Возможно, ваши звёзды скажут что-то важное; вполне вероятно, они дадут нам подсказку, куда двигаться дальше, как вернуть Дэкса или как уничтожить Тёмную драконицу.

Пейсли снова сжала в кулаке письмо с медным диском внутри. Быть может, Оделия права – но вдруг звёзды снова напроорочат ей мрачное будущее? Что, если они скажут, что она больше никогда не увидит Дэкса? Этого она точно не вынесет.

– Да, а может, они скажут что-то о комете и о том, что случится с Небесным Механизмом. – Корбетт внезапно повернулся, отдал меч Оделии и вышел из кабинета в тёмную библиотеку. Он направился к одной из книжных полок, на которой стояло множество астроальманахов, и достал один из томов. Положив книгу на стол, он принялся листать страницы, испещрённые математическими формулами и цифрами. – Мне нужно что-то, на чём можно

писать, – пробормотал он. Затем сунул руку в один из многочисленных карманов пальто Таракана и вытащил маленькую металлическую коробочку, обрывок проволоки и фотограмму, с которой широко улыбалась какая-то маленькая девочка с кудрявыми волосами. Запихнув всё это обратно в карман, он попросил у Пейсли листок бумаги и ручку и тут же начал выписывать из астроальманаха столбцы цифр, после чего стал проводить какие-то сложные вычисления.

– Это как-то связано с той планетой, которую вы видели ранее, когда мы были рядом с рынком? – Пейсли заглянула в записи Корбетта поверх его плеча: на странице выстроились колонки каких-то координат – каждое число обозначало местоположение определённого небесного тела в Механизме в определённое время и в определённый день.

Корбетт поднял глаза от книги, и по выражению его лица Пейсли поняла: что-то не так.

– Я должен с кем-то посоветоваться на этот счёт. Нужно получить больше данных о происходящем в Механизме.

– А что, по-вашему, там сейчас происходит? – спросила Оделия.

Корбетт тяжело вздохнул.

– Если честно, я не знаю. – Он грустно улыбнулся и кивнул Пейсли. – Ваша мама наверняка поняла бы, в чём дело, однако я лишь недавно начал обучение и ещё плохо разбираюсь в работе Небесного Механизма.

– Но вам кажется, будто что-то в Механизме идёт не так? – настаивала Оделия.

– Да. Ну, сегодня утром я видел одну из блуждающих планет, вот только она блуждала не в том месте – данные вычисления это подтверждают. Мне кажется – хотя я очень надеюсь ошибиться, – что когда Тёмная драконица заставила нас сдвинуть комету с её траектории, то мы изменили направление движения не только кометы Вольстенхольма. Видите ли, я использовал координаты предыдущей ночи. Профессор Фицуильям создала свою машину, чтобы воздействовать на комету, заставить её отклониться от изначальной траектории и направить по новому пути. Я подумал, что если использовать старые координаты, повернуть машину в ту часть космоса, где недавно находилась комета, то машина не увидит комету и не окажет никакого воздействия ни на что. Однако я кое о чём забыл: машину питали два куска Камня-Сердца, соединённых вместе. Их совместная энергия оказалась... огромной, и воздействие получилось более мощным, чем мы ожидали. Думаю, каким-то образом мы сдвинули с траектории не только комету – каким-то образом мы изменили Небесный Механизм.

Хэл длинно присвистнул.

– Ваши механики придут в восторг от такого фортеля! – заявил он с хитрой улыбкой.

– Что это значит? – спросила Пейсли. – Мы что... сломали Небесный Механизм? – Глаза её округлились, лицо побледнело.

– Во имя всех шестерёнок, надеюсь, что нет, – ответил Корбетт. В его голосе явственно сквозил страх. – Однако мы определённо что-то сделали. В Светокопии говорится, что Верховный Конструктор создал Небесный Механизм, дабы сохранить неповреждённым всё находящееся внутри его, привнести порядок туда, где прежде царил хаос.

Хэл фыркнул и присел на стоящий в библиотеке большой стол:

– Никакой это был не хаос. Наш народ, жители Северных королевств, из поколения в поколение передаёт и хранит рассказы о прошлом; мы помним, что когда-то в мире, во Вселенной и во всех вселенных была свобода. Прежде чем Верховный Конструктор привёл в действие пути Небесного Механизма и попытался всех нас одурачить звёздами, на небесах шло совершенно иное движение: всё текло и струилось как прилив или танец, и все мы были частью этого движения.

Корбетт покачал головой:

– Как вы можете утверждать такое?! Все дошедшие до нас исторические свидетельства говорят о том, что хаос никому ничего хорошего не принёс. Небесные физики доказали, что древний космический хаос был разрушителен, и историки Антемековиана подробно это опи-

сывают. Небесный Механизм принёс порядок, а как только Георг изгнал Великих драконов, все пути получили возможность вести к предначертанному благополучию и процветанию. Если мы действительно повредили Небесный Механизм, пути разорвутся и в мир вернётся хаос.

– Хорошо! – в один голос сказали Хэл и Оделия и переглянулись.

Пейсли прищурилась, посмотрела на Хэла, потом на Оделию и наконец повернулась к Корбетту:

– Что мы должны делать? Как всё это исправить?

Корбетт потёр лоб ладонью:

– Прежде всего надо узнать, с чем мы столкнулись. Небесные физики из Верхнего Гринвича располагают самыми последними данными. Кроме того, они должны узнать, что Тёмная драконица воспользовалась машиной вашей матушки и заставила нас повторить эксперимент, задействовав более мощный источник питания. Даже если они догадаются, что происходит, они вряд ли поймут причины этих процессов – если только мы им не скажем, – а если они не знают, как это случилось, то не смогут ничего исправить. – Корбетт сдвинул очки к переносице и посмотрел на Пейсли. – Даже если они всё знают, но наверняка не смогут ничего исправить.

Пейсли проглотила ком в горле: её ужасала мысль о том, что они, возможно, изменили Вселенную.

– У нас нет времени на посещение Верхнего Гринвича, – сказала Оделия. – Люди двора ищут кригара. – Она указала на Хэла. – Тёмная драконица будет искать всех нас, и нам нужно добраться до Владыки драконов, чтобы его защитить. Мне не меньше кригара хочется увидеть, как схлопнется Механизм, но написано, что все события должны идти по пути Неведомого Развёртывания, выкованного внутри незримых путей механизма Великой Матери Драконицы Ану. И Дэкс сыграет свою роль; наша первостепенная задача – вновь воссоединиться с ним, а не чинить Небесный Механизм.

– Дэкс – Владыка драконов? – уточнил Хэл, и его бровь над глазной повязкой поползла вверх.

Пейсли проигнорировала его слова.

– Оделия права. Самое важное – вернуть Дэкса; нельзя терять время.

Корбетт захлопнул книгу:

– Послушайте, прежде чем отправляться на север возвращать Дэкса, нужно собрать снаряжение и выработать какой-то план, верно? – Пейсли кивнула. – Ну что ж, я могу съездить в Верхний Гринвич и найти нужную информацию, пока вы готовите всё необходимое для экспедиции. С вокзала Кингс-Стар каждый час отходит электрикопоезд – обычно я езжу на нём домой повидаться с семьёй. Мы можем сесть на пятичасовой до Инвернесса и к вечеру доберёмся до кузницы моих родителей, оказавшись чуть ближе к Дэксу. К тому времени я получу нужную информацию и расскажу о случившемся небесным физикам из Верхнего Гринвича, пока вы, ребята, готовите всё необходимое для путешествия. – Он посмотрел на Оделию, потом пристально поглядел на Пейсли, и она поняла: эти двое волнуются за неё.

Пейсли взглянула на часы: до отправления поезда оставалось ещё много времени – и, вместо того чтобы мчаться к Дэксу, она в ожидании будет сидеть на месте. Под часами стояла фотограмма её отца, сделанная незадолго до его смерти, – с рыцарскими регалиями и звездой из ночного серебра на левом лацкане – знаком того, что отец был одним из Рыцарей Круга: первым рыцарем своего ордена, одним из тринадцати советников Георга. Здесь Эдмунд Фицуильям выглядел в точности так же, как в тот раз, когда Пейсли видела его за Завесой. Она вспомнила, что, прежде чем отправиться в экспедицию вместе со своими рыцарями, отец всегда говорил: «Подготовка – залог успешного путешествия. Если ты не готов, то вообще не стоит отправляться в путь».

– Хорошо, Корбетт. Вы поезжайте и узнайте всё, что нужно в Верхнем Гринвиче, мы же соберём всё необходимое для путешествия на север. Встречаемся в пять часов на вокзале Кингс-Стар.

Глава третья. Звёзды и тёмные полосы

Услышав, что Пейсли входит в библиотеку, Таракан выпрыгнул из окна кабинета Виолетты, успев заметить девочку через приоткрытую дверь кабинета, равно как и идущих за ней Корбетта Граббинса и Хэла Северянина.

Продвигаясь вдоль дома в сторону главного входа, Таракан вспоминал, как впервые увидел этого кригара, когда похищал Пламя Души в Северных королевствах. Огромный огненный алмаз использовали для обеспечения энергией целого региона.

Впрочем, по сути Пламя Души не был огненным алмазом – на самом деле он являлся четвертью Камня-Сердца, некогда бывшего сердцем великой драконицы Ану – матери драконов, от которой произошли все драконы, драконицы, чьё дыхание выковало незримые пути Небесного Механизма под руководством Верховного Конструктора.

Таракан не очень-то верил в правдивость этих мифов, зато Тёмная драконица верила. Она жила на этом свете не одну тысячу лет и когда-то была одной из четырёх сестёр-защитниц Камня-Сердца, образовавшегося из души великой праматери-драконицы Ану. После того как Тёмная драконица попыталась обмануть своих сестёр и присвоить Камень-Сердце, он был разбит на четыре куска, которые затем затерялись в разных частях света. С тех пор Тёмная драконица искала эти четыре осколка и именно она заставила Таракана похитить Пламя Души из Северных королевств, где камень хранился у кригара Хэла Северянина.

Таракан не сомневался: кригар постарается поквитаться с воров. К тому времени как Таракан украл Пламя Души, Хэл успел потерять глаз, однако дракон остался при нём. На тот момент Хэл был главой кригаров, и как раз во время его дежурства Таракан совершил похищение. Как бы то ни было, повороты Механизма непредсказуемы, и они привели Тёмную драконицу ко второму осколку Камня-Сердца, хранившемуся у Виолетты Фицуильям.

Таракан подошёл к главному крыльцу дома Фицуильямов, как вдруг услышал голос Пейсли: она выкрикивала его имя. На секунду шпион замер, представляя, как ветер развеивает огненно-рыжие волосы Пейсли, когда она выглядывает в окно.

Таракан тряхнул головой и быстро зашагал прочь от дома. Наверняка Пейсли уже нашла дневник и вложенный в него диск с предсказанием судьбы, который мастер Звездочёт изготовил по приказу Тёмной драконицы.

Поначалу мастер Звездочёт был против, старый механик уверял: неправильно это – даровать человеку второй набор звёзд. Однако в итоге Тёмная драконица, как всегда, победила.

Таракан поправил воротник своего щегольского пальто (плотная шерстяная ткань неприятно колола шею) и вытащил из кармана маленькую жестяную коробочку. Открыв её, он посмотрел на лежащих внутри спящих механических таракашек и маленький электродисплей. На экране горела одна-единственная крупная точка.

Остановившись в конце улицы, Таракан взглянул на дом, сжал коробочку в ладони и послал мысленный сигнал о своём намерении. Он уже давно обнаружил, что механические таракашки лучше отвечают на его команды, если он спокоен и думает только о задании, которое им даёт. Таракан сосредоточился на мысли, как будет себя чувствовать, когда таракашки выполнят свою миссию, и спустя пару мгновений от светящегося пятнышка на экране отделилась маленькая точка и начала движение. Таракан знал, что оставшееся неподвижным пятнышко – это механические таракашки, спрятавшиеся глубоко в карманах его старого пальто, того самого, что сейчас носит Корбетт Граббинс. Единственная движущаяся точка разделилась надвое: два механических таракашки только что пришли в движение.

Он услышал их прежде, чем увидел: тихое стрекотание механических крылышек, питаемых электрikoэнергией: таракашки несли фотографию его сестры Клары, держа снимок за углы.

Таракан подождал, пока механические насекомые приземлятся в коробочку, забрал у них фотограмму, разгладил её и аккуратно спрятал во внутренний карман. Посмотрев вниз, он увидел, что на экране теперь четыре точки – каждая обозначала механического таракашку, которому он передал какую-то команду. Теперь эта четвёрка сделает всё возможное, чтобы остаться с Пейсли, Оделией, Хэлом и Корбеттом.

Пару секунд Таракан смотрел на эти точки, а потом захлопнул коробочку и пошёл дальше.

У него назначена встреча, а Георг не тот человек, которого можно заставлять ждать.

* * *

В доме Пейсли показала Хэлу и Корбетту, где находится гардеробная её отца, а Оделия снова вручила Корбетту свой кривой меч:

– Ударьте кригара, если попытается сбежать.

Корбетт неуклюже сжал рукоять меча, потом направил оружие на Хэла. Пейсли заметила, как северянин покосился на клинок и покачал головой, насмешливо улыбаясь, однако поднял руки и, повинувшись взмаху меча, пошёл туда, куда указал Корбетт. Пейсли проводила Оделию в свою спальню.

– Вы немного выше меня, – пробормотала она. – Возможно, вам будут впору вещи из гардероба моей матери?

Не дослушав, Оделия широким шагом пересекла комнату и, распахнув дверцы шкафа, принялась вытаскивать оттуда платья и юбки, примеряя их на себя.

– Думаю, это подойдёт, – заключила она, встряхивая серую юбку.

Юбка доходила Пейсли до мысков ботинок, а Оделии подол едва прикрывал колени.

Пейсли подыскала для гостьи мягкую блузку из розового шёлка и замерла, увидев, как Оделия снимает плащ и расправляет крылья.

– Подержите её за плечи, – велела ходящая с драконами, доставая меч из ножен. Она дважды взмахнула клинком – и на спинке образовалось два вертикальных разреза.

Пейсли помогла Оделии надеть блузку и просунуть в прорехи крылья и повернулась к шкафу, намереваясь подыскать что-то для себя.

– Оделия, – пробормотала Пейсли, неловко расстёгивая пуговицы рубашки. Засохшая на одежде кровь отваливалась и падала на пол – теперь пятно из ярко-красного стало коричневым. Девочка вытянула перед собой руки и посмотрела на прилипшие к ладоням будто ржавые хлопья.

Оделия подошла ближе:

– Вы боитесь того, что можете там увидеть?

Пейсли чувствовала рану, нанесённую кинжалом Тёмной драконицы. Она приложила ладонь к груди: рана окончательно не зажила; кроме того, на спине остался глубокий порез от когтей ходящей с Тёмной драконицей, с которой Пейсли сражалась в Музее естественной истории. Двигая лопатками, она чувствовала себя так, словно нечто, заполнившее рану, проникает в её тело.

– Думаю... когда я провалилась за Завесу, со мной что-то случилось. – Пейсли вспомнила, как встретила с покойным отцом, как он потянулся к свету и, набрав в ладонь сияние, вложил это в рану на груди дочери.

– Мне кажется, вернувшись, я принесла с собой часть Завесы. Я ощущаю её внутри себя. А ещё... на рынке, когда появились те обрывки Завесы, они были точно такие же, как тогда, в обсерватории, но я словно знала заранее, и хотя мне было страшно, я их почувствовала; я чувствовала, что каким-то образом связана с этими обрывками Завесы. – Пейсли сквозь слёзы с надеждой посмотрела на Оделию.

Оделия шагнула к ней и крепко её обняла, прижав к себе и накрыв крыльями.

– Помню время, когда моё драконье прикосновение только-только проявилось. Мне было шесть лет, я была ужасно напугана и совершенно одна; моя семья истово верила в Георга и замысел Верховного Конструктора. Но ведь вы не одиноки, Пейсли: у вас есть я, есть Корбетт, а вскоре мы воссоединимся с Дэксом. Что бы ни готовила нам судьба, мы встретим все трудности вместе с вами.

Оделия поцеловала Пейсли в макушку и отступила на шаг.

Пейсли утёрла слёзы. Оделия права: она не одна. Девочка улыбнулась ходящей с драконами, чувствуя, как душу согревают дружба и любовь. Оделия придала ей смелости в тот миг, когда Пейсли уже не чаяла отыскать в себе столь нужное ей качество.

Пейсли сняла блузку и посмотрелась в зеркало, повернувшись к нему спиной. По бледной коже тянулся чёрный рубец, словно обрывок Завесы заполнил пустоту, оставив шрам непроницаемо-чёрным, и слегка мерцал – как если бы под ним что-то двигалось. От этого зрелища Пейсли даже немного затошнило.

Оделия протянула руку и кончиком пальца попыталась коснуться странного шрама.

Пейсли вздрогнула.

– Подождите. – Она взяла лежащую на туалетном столике щётку для волос. – Используйте это – нужно убедиться, что это не Завеса.

Оделия взяла щётку и осторожно провела её ручкой по твёрдому выпирающему шраму. Потом всё-таки коснулась его длинным пальцем. От прикосновения Оделии по рубцу пробежало мерцание – словно ветер повеял над поверхностью глубокого тёмного озера. Пейсли почувствовала, как внутри её что-то пульсирует: ощущение не то чтобы неприятное, но весьма непривычное, и из-за этого она испытывала смущение и неловкость.

Она быстро надела чистое платье.

– Никогда не видела ничего подобного, даже не слышала о таком, – пробормотала Оделия. – В её голосе явственно прозвучало благоговение.

Пейсли не разделяла этого восторга: присутствие внутри её Завесы пугало: кто знает, что эта сущность может сделать?

– Но сейчас у меня есть и другие причины для беспокойства, – сказала Пейсли сурово, затягивая пояс на талии. – Нам нужно подготовиться к путешествию на север и сосредоточиться на возвращении Дэкса. Всё это... – она указала на себя, – всё это может подождать.

Оделия кивнула, но, похоже, слова девочки её не убедили.

– Как на севере относятся к людям с драконьим прикосновением? – спросила Пейсли. – Я знаю лишь, что все северяне – варвары, беспутный народ, отвергающий звёзды и Верховного Конструктора.

Оделия задумчиво посмотрела на Пейсли.

– Бойтесь, что северяне узнают про затронутую драконьим прикосновением ногу Дэкса? – ровным тоном спросила она. – Между ходящими с драконами и жителями Северных королевств с давних времён установилось что-то вроде шаткого перемирия: мы не скатывались до откровенной вражды, но и союзниками не были. В Северных королевствах людей, отмеченных драконьим прикосновением, не преследуют, как в империи Георга, но, думаю, и доверяют им не слишком. В конце концов, если бы не Мать драконов Ану, Верховный Конструктор не смог бы создать Небесный Механизм. Именно по этой причине северяне считают Ану корнем всех зол, а заодно обвиняют и нас, ходящих с драконами, ибо мы – дочери дракона и терпеливо идём по пути созданного Ану Небесного Механизма в ожидании начала Развёртывания.

Пейсли не знала наверняка, почему жители Северных королевств противостоят Небесному Механизму. Однако не сомневалась: если северяне обнаружат, что Дэкс – мальчик с драконьим прикосновением, он сразу же окажется в большой опасности, потому что даже жителям севера известно пророчество о мальчике с драконьим прикосновением. Как верят ходящие с

драконами, он вернёт в мир Великих драконов и будет обладать силой, способной создавать и уничтожать судьбу и пути Небесного Механизма. Поэтому, если северяне узнают о драконьем прикосновении Дэкса, они, в отличие от граждан Империи, не захотят его убить – наоборот, они непременно пожелают использовать мальчика, чтобы положить конец всему, что создал Верховный Конструктор. Удивительно, но эта мысль подействовала на Пейсли успокаивающе.

Глава четвёртая. Яичница из драконьих яиц

В воздухе повеяло чем-то съестным, и у Пейсли заурчало в животе. Следуя за аппетитным запахом, она пошла в кухню и, перешагивая порог, позвала:

– Миссис Кин?

Однако вместо жизнерадостной экономки она увидела стоящего возле плиты Хэла в фартуке.

– Где Корбетт? – спросила Пейсли.

Хэл повернулся к ней и улыбнулся: одной рукой бросал в кастрюлю сосиски, а другой взбалтывал в большой миске яйца.

– Корбетт только что ушёл. Я приготовил ему немного еды. Он сказал, что ему пора идти, и просил передать тебе это. – Хэл сунул руку в карман фартука и вытащил оттуда записку. – О, а это для ходящей с драконами. – Он протянул Пейсли кривой меч Оделии и хитро подмигнул.

– Корбетт оставил тебя одного, – заметила Пейсли, недоверчиво глядя на Хэла.

– Ага. Видимо, решил, что мне некуда идти и что я понимаю: это место для меня сейчас самое безопасное. В каком-то смысле он прав.

Пейсли уставилась на Хэла, а тот, больше не обращая на неё внимания, начал открывать и нюхать бутылочки со специями миссис Кин.

Пейсли сломала печать на оставленной Корбеттом записке и прочитала:

Пейсли,

Я знаю, как вы относитесь к своим звёздам. Да, у вас больше причин не доверять пути, выкованному для вас Верховным Конструктором, чем у кого бы то ни было другого, однако я не могу не думать о справедливости слов Оделии. Она часто оказывается права (только не говорите ей, что я это признал!).

В предсказании ваших звёзд может оказаться какая-то полезная информация, которая поможет нам, и, если я прав, если мы действительно каким-то образом изменили Небесный Механизм, нам понадобится любая помощь, какую только можно получить.

*До встречи на вокзале Кингс-Стар,
Корбетт*

Пейсли положила записку в карман и, сняв с плеча сумку, опустила её на стол – раздался глухой стук.

Часовня механиков недалеко отсюда. Вероятно, Корбетт и Оделия правы: вторые звёзды вполне могут дать ей какие-то подсказки о будущем, и кто знает – вдруг второй набор звёзд окажется благоприятнее первого? А возможно, он будет столь же мрачным и принесёт ей ещё больше тревог или таким же бесполезным, как и первый. Пейсли провела пальцем по рисунку своих первых звёзд, вытатуированных на запястье странным полукругом, – эти судьбоносные звёзды предрекли ей смерть.

Она посмотрела на Хэла, на его ярко-голубые татуировки, говорящие о его делах, а вовсе не о пути, предначертанном звёздами, и задумалась: не лучше ли жить вот так – показывать всему миру, что ты сам сделал, а не ждать, пока свершится предреши́нное свыше?

И Пейсли выбросила из головы мысль о получении вторых звёзд, а также о повестке и медном диске, лежащих в кармане её платья.

В кухню вошла Оделия с целой грудой оружия.

– Смотрите, что я нашла, – она протянула Пейсли меч и небольшой кинжал.

– А мне можно? – спросил Хэл.

– Только чтобы резать ножом сосиски, – ответила Пейсли.

Оделия достала из карманов ножницы, щётку для волос и шкатулку – Пейсли узнала набор для макияжа, обычно стоящий на туалетном столике матери, и сдержала мимолётный порыв выхватить всё это из рук ходящей с драконами и вернуть на место – туда, где должна была быть её мама.

– Нужно загримировать Хэла, чтобы он не выделялся из толпы, – сказала Оделия, раскладывая принесённые вещи на другом краю стола.

– Я и так уже ношу этот странный наряд, выданный мне Корбеттом, что ещё мне может понадобиться? – Хэл снял фартук миссис Кин и оттянул ворот белой рубашки.

Пейсли оглядела его одежду: помимо рубашки на северянине был зелёный галстук, заправленный в тёмно-синюю жилетку, а также серые брюки, тёмно-синие ботинки и подходящий по цвету серый блейзер. Через спинку ближайшего стула было перекинута тёмно-синее пальто.

– Для начала нужно скрыть твои знаки кригара. – Оделия выдвинула стул и знаком предложила Хэлу сесть.

– Никогда не верил слухам, что ходящие с драконами пытаются своих пленных, но теперь вижу, что это правда, – заявил Хэл, усаживаясь, потом повернул голову и посмотрел на Оделию. – Если ты закроешь мои знаки, никто не узнает, что я за человек.

– Мне казалось, жители Северных королевств известны своими делами. Теперь придётся показать всем нам, кто ты такой, – парировала Оделия. – Пока что я вижу перед собой только упрямого нытика.

Пейсли тихо хмыкнула, а Хэл произнёс:

– Дело не только в этом. – Он кивнул на Оделию. – Вы, ходящие с драконами, бреете головы во время обучения; отращивать и заплетать косы вам позволяется, только когда вы становитесь воительницами, после того как заслужите эту привилегию. Для вас просто невысказано остричь или отрастить волосы, пока вы не докажете, что достойны этого.

– Это совсем другое, – возразила Оделия, отвечая Хэлу твёрдым взглядом.

– Почему же?!

– Потому что, когда мы оказываемся в опасной ситуации, мы приспосабливаемся к ней. – Она указала на лежащий на столе парик. – Если придётся, мои сёстры откажутся от своих кос и будут носить ту одежду, которая нынче в моде среди граждан империи. Если будет нужно, они отрежут волосы. – Пейсли заметила, что, говоря это, Оделия вздрогнула. – Мы идём на такое в случае крайней необходимости, и не потому, что не ценим свой образ жизни, а потому, что хотим его сохранить. Скрыв свои знаки кригара, ты сохранишь свою жизнь. На время ты изменишь внешность, но внутри останешься прежним.

– Ладно, закрась мои знаки, – согласился северянин. – Но волосы стричь не дам!

Оделия взяла жидкую пудру и начала замазывать яркие голубые татуировки на шее Хэла.

– Думаю, ты зря беспокоишься о том, что не сможешь показать людям, что ты за человек: всем известно, что жители Северных королевств беспутные мятежники, стремящиеся уничтожить Верховного Конструктора и Механизм. Они скорее остановят путь, на который ступили, чем попытаются его понять. И, уверена, очень скоро мы увидим это в твоём пути – со знаками кригаров или без них, – сказала Пейсли, не скрывая презрения в голосе.

– Да, так и есть: мы желаем покончить с Верховным Конструктором и Небесным Механизмом. Мы этого не отрицаем, – согласился Хэл.

Оделия перестала наносить краску на шею Хэла и посмотрела на Пейсли.

– А ещё все считают ходящих с драконами беспутными, жадными, эгоистичными и видят в них угрозу для всей Империи. Вы думаете, я такая?

– Вовсе нет! – воскликнула Пейсли.

– Тогда почему вы вслед за другими жителями Империи считаете Хэла дикарём, но не разделяете всеобщее мнение о ходящих с драконами? – спросила Оделия и, повернувшись, продолжила гримировать кригара, причём нанося краску не так грубо, как раньше.

– Но... Вы же сами всё это время надзирали за ним, просили всех нас за ним следить и даже отдали Корбетту свой меч. Почему вы это делали, если верите в его благие намерения? Его люди похитили Дэкса!

– Я делала это потому, что он нам нужен. Он может помочь вернуть Дэкса, а это наша главная цель. Если я и приглядываю за кригаром, это вовсе не значит, что я считаю его ненормальным или плохим. Я уважаю его как воина, хотя не разделяю его убеждения. Империя внушила вам, что Северные королевства и все их обитатели, включая Хэла, плохие, и вы в это верите. Однако если я чему-то и научилась за свои шестнадцать оборотов, так это тому, что каждый путь имеет гораздо больше одной грани.

– Хотите сказать, ему можно доверять?

– Я говорю, что вам не стоит спешить, не доверяя ему. До сих пор он ни разу не пытался на нас напасть, не предпринимал попыток сбежать; на рынке он нам помог, а сейчас приносит пользу, готовя еду.

Пейсли покачала головой:

– Но его сестра похитила моего брата! К тому же если бы он в своё время защитил Пламя Души, то ничего бы этого не случилось. И я ему не верю, потому что... потому что боюсь за Дэкса, и мне нужно...

– ...злиться на кого-то? – подсказал Хэл.

Пейсли потупилась и уставилась на свою сумку. Она чувствовала, как к глазам подступают слёзы, и решительно не желала дать им пролиться. Она встала и принялась переворачивать жарящиеся на сковороде сосиски.

– С твоим братом будут хорошо обращаться.

Пейсли так резко отложила ложку, что та звякнула об стол, и повернулась к Хэлу:

– Ты не понимаешь! Предполагалось, что я буду за ним присматривать! Он же маленький, он испугается; у него в целом мире никого, кроме меня, не осталось, а у меня теперь есть только он. Отец умер уже очень давно, дядя Гектор нас предал, а наша мама... – Пейсли сорвалась на крик. – Наша мама тоже... умерла! – Оделия, оставив Хэла, подошла к Пейсли и, мягко обняв её за плечи, усадила на стул:

– Мы с Хэлом никак не сможем утешить и не сумеем исправить то, что случилось, но мы можем пойти дальше вместе с вами и поклясться служить вам своими мечами. Лично я заинтересована в том, чтобы победить Тёмную драконицу и её приспешницу Лорену.

– И я тоже, – сказал Хэл. – Тёмная драконица послала Таракана украсть доверенное мне Пламя Души, и я должен им отомстить. Мы, «варвары», вовсе не такие дикие, как вы думаете. У нас есть честь, и с твоим братом будут хорошо обращаться, а когда мы окажемся в землях моего отца, я прослежу, чтобы его освободили.

– После того как вернём Дэкса, мы выследим Тёмную драконицу и разберёмся с ней, – заявила Оделия.

Пейсли покачала головой:

– Я обещала матери, что сохраню Камень-Сердце и не позволю Тёмной драконице его заполучить, что непременно найду остальные части и сохраню их тоже.

– Тогда сначала мы выполним всё это, а уж потом отомстим, – с улыбкой предложил Хэл.

Пейсли вдруг почувствовала себя лучше. Возможно, она слишком поспешно составила мнение об этом жизнерадостном кригаре. Она вспомнила, как Хэл втащил Корбетта на тротуар прямо из-под колёс омнибуса, как он вместе с ней бежал через рынок, хотя в суматохе вполне мог бы сбежать, и как оттолкнул её от надвигающегося обрывка Завесы.

Пейсли посмотрела на Оделию, потом на Хэла и ощутила стыд пополам с грустью.

– Давайте решать проблемы по мере их поступления, – сказала Оделия. – Сначала дайте мне загримировать Хэла, чтобы он смог продолжить готовить, а потом мы с вами подумаем, что упаковать с собой в путешествие. Я видела в арсенале вашего отца несколько великолепных кастетов; мы определённо возьмём их с собой, а вам следует взять эти метательные звёзды.

Пейсли забрала у Оделии острые металлические кругляши и повертела в руках. Наличие хоть какого-то плана немного её успокоило.

– На чердаке есть четыре больших брезентовых рюкзака – остались ещё с тех пор, когда отец брал нас с собой в поход, – сказала Пейсли. – Поклажу можно сложить в них. – Она подтянула к себе лежащую на столе сумку и стала доставать оттуда вещи, а Оделия между тем пыталась убедить Хэла остричь волосы:

– Твоя коса слишком привлекает внимание. Что тебе дороже: волосы или жизнь?

– И то и другое, – ответил Хэл.

– Ты можешь положить косу в карман и носить с собой, – предложила Оделия.

Хэл помотал головой:

– Нет.

Оделия вздохнула:

– Ты упрямый и глупый.

– А ты грубая и бесчеловечная, – парировал кригар.

Пейсли улыбнулась уголком губ и посмотрела на Оделию: не примет ли ходящая с драконами эту шпильку за комплимент.

– Тогда, может быть, расплетём твою косу и расчешем? Можно уложить волосы так, что они будут казаться короче. Некоторые рыцари носят длинные волосы, но таких длинных, как у тебя, ни у кого из них нет, и никто не заплетает их в косу, – сказала Пейсли.

Хэл помолчал.

– Как только я вернусь в Северные королевства, то снова заплету косу и смою эту краску, которой ты замазала мои знаки.

– Идёт, – согласилась Оделия, – а я расправлю крылья и сниму парик.

– Ну, пожалуй, тебе стоит проявить осторожность. Не все в Северных королевствах любят ходящих с драконами!

Оделия посмотрела на кригара – на губах у неё играла лёгкая улыбка.

– Ладно, я понял, – проворчал Хэл и начал расплетать косу.

Оделия помогла ему, а потом начала расчёсывать его волосы и укладывать в причёску, более соответствующую имперской моде.

Пейсли разложила на столе вещи из сумки и ещё раз перевернула сосиски – они уже хорошо обжарились, поэтому девочка сняла их с огня. Хэл не сводил глаз с драконьего яйца, которое Пейсли только что вытащила из сумки и тоже положила на стол.

– Где ты это взяла? – спросил он с придыханием.

Примерно таким же тоном говорил Док Лэнгли, когда увидел яйцо.

– Это яйцо хранилось в сокровищнице моей семьи, в парящем районе Верхний Кенсингтон. Его нашёл мой брат; мы думаем, что оно принадлежало нашей матери, хотя его вполне мог обнаружить и мой отец во время одной из своих экспедиций – в юности он изучал драконологию. Раньше яйцо было покрыто ночным серебром. – Пейсли помолчала, потом добавила: – Ещё оно было гораздо ярче. – Она взяла яйцо, собираясь рассмотреть повнимательнее, и тут же чуть не уронила. – Ай! – воскликнула она. – По-моему, внутри что-то шевельнулось!

Оделия перестала расчёсывать Хэла. Кригар встал, обошёл вокруг стола и остановился рядом с Пейсли, не сводя глаз с яйца.

– Можно? – попросил он, протягивая руки.

Пейсли помедлила, колеблясь, но потом протянула ему яйцо, и Хэл хрипло с изумлением ахнул.

– Мы показывали его одному эксперту, драконологу Доку Лэнгли. Он считает, что это вполне может быть яйцо Великого дракона!

Хэл кивнул:

– Думаю, он прав! Я ещё никогда не видел такого яйца! Как вам удалось получить драконий огонь, чтобы нагреть его?

– Ты о чём? – переспросила Пейсли и посмотрела на Оделию.

Ходящая с драконами лишь пожала плечами.

– Это яйцо нагрелось дыханием дракона, – настаивал Хэл.

Пейсли вспомнила, что происходило накануне в обсерватории.

– Может быть, это сделали ваши прилетевшие с севера драконы, пока сражались с Тёмной драконицей?

Хэл покачал головой:

– Не думаю. Чтобы запустился процесс развития, пламя должно быть постоянным.

– Лорена! – процедила Оделия. При упоминании имени бывшей ходящей с драконами её губы неприязненно скривились. – Она использовала своё драконье дыхание, чтобы нагреть часы вашей мамы, дабы Тёмная драконица могла их уничтожить! Когда она это сделала, всё вокруг опалило жаром. Я помню, что ваша сумка из драконьей кожи находилась рядом и... – Она посмотрела на Пейсли.

– Яйцо! – воскликнули они одновременно.

– Да, конечно, наверняка оно выскользнуло из своей оболочки из ночного серебра. – Пейсли посмотрела на покрытое крапинками серое яйцо.

Хэл поднял яйцо повыше, чтобы девочкам было лучше видно, и свет от висящей над столом электриколамп окутал его мягким сиянием. Внезапно яйцо в руках Хэла дёрнулось, и они с Пейсли вздрогнули от неожиданности.

– Что нам с ним делать? – спросила Пейсли.

– Ничего. Вы ничего не можете сделать. Через несколько недель яйцо проклюнется, и родится дракон.

– Через несколько недель! – пробормотала Пейсли.

– Ну, если, конечно, Великие драконы развиваются так же, как драконы севера; хотя процесс может протекать чуть быстрее или чуть медленнее.

– Док сказал, что про Великих драконов известно очень мало; в конце концов, ни одного из них не видели с тех пор, как первый Георг отправил их за Завесу, – заметила Оделия.

– Нужно сделать для него переноску, – сказал Хэл. – Будем нести его по очереди.

– Так мы привлечём ненужное внимание, – возразила Пейсли. – Можно просто положить его в мою сумку. – Она открыла сумку, и Хэл с явной неохотой опустил туда яйцо.

Усаживаясь за стол, Пейсли ощутила вес потяжелевшей сумки, а вместе с этим и новый груз ответственности. Новый Великий дракон не принесёт им ничего, кроме дополнительных опасностей вдобавок к той беде, в которую они уже угодили. Пейсли волновалась, гадая, что сулит предстоящий путь.

Хэл снова поставил сосиски на огонь, рядом водрузил сковороду, растопил в ней сливочное масло и вылил туда взбитые яйца.

У Пейсли мелькнула мысль, что неправильно есть, держа на коленях сумку, в которой лежит драконье яйцо... но она слишком проголодалась, чтобы отказываться от еды.

Глава пятая. Георг

Таракан поднял воротник и, склонив голову набок, подошёл к лорду Гектору. Ему было не по себе, но не только из-за того, что воротник его лучшей белой рубашки сильно сдавливал горло, а ботинки звонко цокали по мраморному полу. В прошлом он уже несколько раз посещал дворец в компании лорда Гектора – по приказу Тёмной драконицы, разумеется. Во время первого визита Таракан с изумлением понял, что Гектору не требуется приглашение: его принимали здесь как своего.

Однако сегодня во дворце чувствовалось какое-то напряжение. Рыцари выглядели взвинченными и встревоженными, все как один держали руки на рукоятках мечей из ночного серебра, готовые в любой момент выхватить оружие из ножен, а на их шлемах отсутствовали привычные яркие плюмажи. Казалось, они приготовились к неприятностям.

Гектор взглянул на Таракана:

– Принёс?

Таракан сунул руку в карман пальто, достал маленькую деревянную коробочку и протянул ему.

– Без этого он отказывается встретиться с нами, – сказал Гектор. – Ты её видел? Видел Пейсли?

– Да, мельком, – кивнул Таракан, разглядывая росписи на стене. На картине был запечатлён один из первых Георгов: в руке копьё с поблёскивающим наконечником из ночного серебра.

Гектор повернулся и посмотрел на Таракана.

– И как она? – спросил он.

«Решительна, сердита, напугана. Расстроена из-за тебя, человека, который её предал, единственного, кто, как она надеялась, мог помочь ей идти по путям Механизма», – хотелось сказать Таракану, но он лишь пожал плечами:

– Неплохо, насколько возможно в данных обстоятельствах.

Гектор повернулся к стене и тоже стал глядеть на росписи.

Тут распахнулись двойные двери, и в вестибюль вышел высокий, худой человек в зелёной с чёрной отделкой ливрее – такие носили слуги из свиты Георга – и коротко, быстро поклонился:

– Лорд Гектор, Георг сейчас в тронном зале. – Дворецкий отступил в сторону и жестом предложил гостям проследовать в открытые двери.

На секунду Таракан замер, затылок начало неприятно покалывать; он чувствовал, что его путь изменится, хоть и не понимал, как именно.

По ту сторону дверей дворец выглядел иначе. Роскошь никуда не делась, но светлые и тёплые краски сменились более насыщенным и мрачным богатством.

Мягкая цветовая палитра пастельных цветов уступила место тёмно-синим и зелёным оттенкам. На стенах в позолоченных рамах по-прежнему висело множество картин, прославляющих Георгов прошлого, храбрых всадников на статных лошадях, закованных в доспехи из ночного серебра, однако эти картины казались более внушительными, и от изображённых на них сюжетов Таракана мороз подирал по коже. На одном полотне возвышался кто-то из Георгов прошлого – вот только вместо дракона он попирал ходящую с драконами, с такими же крыльями, как у Оделии. В отличие от бесстрашной и юной ходящей с драконами, противница нарисованного Георга казалась испуганной и слабой, крылья её были разорваны, как и одежда.

Таракан отвёл взгляд.

В конце коридора гостей ждали ещё одни огромные двери, покрытые звёздами и золотыми петлями, символизирующими пути Механизма. Дворецкий распахнул створки и отступил в сторону.

За двойными дверями было ещё темнее. В окна еле-еле пробивался слабый свет зимнего солнца, окрашиваясь в те же цвета, что и разноцветное стекло витражей, и будто бы нехотя танцует на отполированном до блеска полу тронного зала.

Таракан покосился на тени, отбрасываемые колоннами, которые поддерживали расписной потолок. Посмотрев вверх, он увидел над собой сцены из истории; отголоски этой истории присутствовали на каждой картине, в каждом гобелене, в каждой статуе и стенной фреске этого дворца. Верховный Конструктор выбирает первого Георга, звёзды его судьбы пророчат ему величие, отмечают его как правителя Империи, победителя Великих драконов и поборника всего, на чём зиждется Небесный Механизм.

Таракан одёрнул пальто и сжал кулаки: они с лордом Гектором направились к трону.

Трон Георга совершенно не походил на престол Тёмной драконицы; её трон, тёмный и грозный, был выкован из ночного серебра и построен из зубов Великого дракона. Трон Георга весь состоял из золотых завитков и изогнутых путей Небесного Механизма. Над тронном кружили звёзды, прикрепленные к невидимому часовому механизму, а в центре над переплетениями и изгибами судьбы парила Королевская Звезда.

Таракан насмешливо выгнул бровь, размышляя, каким образом эта выкованная из ночного серебра звезда удерживается в воздухе – вероятно, благодаря электримагнитному полю.

Королевская Звезда, тёмная и загадочная. Каждый гражданин Империи знал о ней, и когда ребёнок получал свои звёзды, его родители задерживали дыхание, охваченные благоговейным страхом. Если человек будет отмечен Королевской Звездой – значит, ему на роду написано стать следующим Георгом Империи.

Будущего Георга заберут из семьи и будут растить во дворце, в роскоши и богатстве. Мальчика станут учить политике и военному делу, общественному и экономике – ведь он должен набраться знаний, чтобы стать достойным королём Альбиона и всех его Империй. Новый Георг именуется Георгом Восходящим, и с момента его назначения правящий Георг несёт ответственность за то, чтобы подготовить Георга Восходящего к трону.

Таракан знал, что нынешний Георг получил свои звёзды, когда ему было всего несколько дней от роду. Он родился в Америке, в Огайо, и механики быстренько перевезли младенца через океан напрямик в Альбион, прежде чем его родители успели осознать предназначение их сына. Большинство жителей прославляли Верховного Конструктора за то, что тот призвал правителя из американцев. Благодаря появлению нового юного Георга удалось подавить слухи о мятеже и попытках отделения от Империи. Увы, как и все идеи, мысль о получении Америкой независимости никуда не исчезла, и теперь, когда Георг занимал трон без малого сто двадцать лет, Таракан гадал, что правитель думает о молве, протянувшейся над Атлантикой проворнее, чем щупальца кракенов, обитающих в огромном океане.

Георг – дряхлый старик, сбившийся с пути. Его серая как пепел и тонкая как паутина кожа обвисла на костях, на руках набухли фиолетовые вены, некогда чёрные кудри полностью побелели и теперь висели паклей, поблёкшие карие глаза стали похожи на грязные лужи и слепо тарасились куда-то за Завесу – несомненно, Георг скоро увидит, что за ней скрыто.

До сих пор Таракан ещё никогда не подходил так близко к монарху: обычно он ждал в вестибюле, пока Гектор выполнял поручение Тёмной драконицы.

Гектор кашлянул, привлекая внимание Георга.

– А, это вы, лорд Гектор? Значит, она наконец её прислала, да?

Таракан следом за дядей Пейсли шагнул к трону; звёзды над головой Георга кружились по своим орбитам как упорные механические мухи.

Гектор низко поклонился, Таракан последовал его примеру:

– Моя госпожа шлёт вам наилучшие пожелания.

Георг тяжело поднялся на ноги и, шаркая, засеменил по кроваво-красной ковровой дорожке, ведущей к трону.

– И она довольна мною? Я сделал всё как она требовала и собрал своих людей. Даже сейчас они ждут её приказаний. – Он посмотрел на дверь слева от трона и указал на неё трясущейся рукой.

Таракан сморщил нос: от Георга исходил смрад, частый спутник старости.

– Госпожа в высшей степени довольна и шлёт свою признательность вкупе с новыми указаниями. – Гектор извлёк из внутреннего кармана пальто деревянную коробочку.

Правитель подался вперёд и хотел схватить вещицу, но в последний момент Гектор проворно отдёргнул руку:

– Вы даёте слово выполнить всё, что попросит наша госпожа?

Георг, неотрывно глядя на коробочку, тянулся к ней обеими руками.

– Да-да, я сделаю всё, чего она хочет, только дайте это мне, – прошамкал он, брызжа каплями белой слюны.

Гектор безжалостно улыбнулся и снова протянул коробочку Георгу, и тот рванулся к ней, едва её не уронив.

Таракан почти с ужасом наблюдал, как Георг ощупывает свою добычу, потом хватает спрятанный в ней небольшой пузырёк и отбрасывает коробочку вместе с лежащей внутри запиской. Подняв склянку к свету, он поболтал её, и красная жидкость внутри заискрилась.

На лице Георга отразились жадность и беспощадность: Таракану уже случалось видеть такое выражение лица у пьяниц, собиравшихся возле питейных заведений; раз или два даже лицо его собственной матери так искажалось после того, как забрали Клару и вставал вопрос о том, чтобы ей позволили их навестить.

Георг неуклюже выдернул серебряную пробку, уронил её на мраморный пол и залпом выпил тёмно-красную жидкость. Правитель блаженно зажмурился и, облизнув губы, тяжело вздохнул.

Таракан знал, что это за жидкость. Таковую же он носил собой в кармане: кровь Тёмной драконицы. Ходили слухи о силе, скрытой в крови людей с драконьим прикосновением; поговаривали даже, что люди двора ловили их и над ними проводились эксперименты.

Таракан вспомнил о Кларе и стиснул зубы.

Георг внезапно согнулся пополам, глухо застонал и рухнул на пол.

Гектор отпрыгнул от правителя, а Таракан, напротив, подался вперёд.

– Что это с ним? Вы его отравили?! – воскликнул шпион. Он присел на корточки и протянул к Георгу руку – тот начал так биться в конвульсиях, что полы пышного королевского одеяния взметнулись в воздух и накрыли его с головой.

– Вовсе нет! – ответил Гектор. – Георг уже много раз получал дар Тёмной драконицы, и с каждым разом его реакция становится всё более бурной. Отойди, оставь его, скоро он придёт в норму.

Таракан отдёргнул протянутую руку, но остался сидеть на корточках.

– Значит, он и прежде так реагировал?

– Да, – кивнул Гектор и со скучающим видом возвёл глаза к потолку. – В последнее время всё хуже и хуже.

Георг перестал биться и теперь лежал неподвижно, точно мёртвый.

Таракан оглядел тронный зал, размышляя, не побежать ли за помощью, но Гектор положил руку ему на плечо.

– Дай ему минутку, – попросил он.

Спустя несколько тревожных мгновений король Альбиона зашевелился. Он вздохнул (его голос прозвучал ниже, чем раньше) и пошевелился, двигаясь гораздо легче и грациознее,

чем прежде, и встал на четвереньки; его лицо было скрыто волосами, и Таракан заметил, что у монарха снова тугие чёрные кудри. Георг привстал, сгорбившись, потом выпрямился и поднялся – теперь это был человек вдвое моложе себя прежнего: волевое лицо с высокими скулами, тёмные глаза смотрят цепко, смуглая тёмная кожа сияет здоровым блеском.

Теперь стоящий перед Тараканом Георг полностью соответствовал образу, запечатлённому на марках, монетах и фотограммах. Таракан восхитился при виде столь внезапно обрётённой молодости и вдруг кое-что понял: столь долгий жизненный путь Георга не имеет никакого отношения к звёздам – всё дело в Тёмной драконице и её крови! Таракан покопался в памяти, вспомнил уроки георгиеведения и осознал, что никто из первых Георгов не жил так долго, как нынешний. Общеизвестный факт: у первых Георгов, особенно у тех, что сражались с драконами, подавляли мятежи и много путешествовали по землям за пределами Империи, были более короткие пути, потому что Верховный Конструктор наполнял их судьбы множеством опасностей и героических подвигов. Теперь, размышляя об этом, Таракан понял, что Тёмная драконица, имея внешность маленькой девочки, на самом деле гораздо старше всех Георгов вместе взятых. Выходит, она продлевала жизнь последних правителей за счёт своей крови, манипулировала ими в обмен на длинный путь? Заставляла их шестерёнки вращаться до тех пор, пока следующий Георг не получал Королевскую Звезду? Таракан покачал головой, пытаясь припомнить, с каких пор пути Георгов стали такими длинными. Потом он задался вопросом, было ли вмешательство Тёмной драконицы в пути правителей спланировано Верховным Конструктором или всё это – дело исключительно её рук?

– Передайте ей, чтобы впредь так не затягивала; в последнее время годы быстро меня настигают, – сказал монарх Гектору. Вновь обрётённая молодость сделала его гораздо храбрее, чем пару минут назад, а его голос стал увереннее и глубже.

– При всём уважении, ваше Георгейшество, вы не обладаете такой властью, чтобы указывать Тёмной драконице.

На миг лицо помолодевшего короля стало таким же потерянным, как у того старика, каким он был ещё недавно, и Таракан понял, что не ошибся: пред лицом Тёмной драконицы Георг – такая же пешка, как он сам и Гектор.

Георг плавно наклонился, поднял коробочку и достал из неё записку. Пробежав послание глазами, он посуровел.

Чего бы ни потребовала от правителя Тёмная драконица, Георгу это совершенно не понравилось.

Глава шестая. Круглая комната

Помолодевший Георг вышел из зала, Гектор и Таракан последовали за ним, а звёзды над тронном всё так же кружили по своим орбитам, словно ничего не изменилось. Слуги спокойно и учтиво приветствовали монарха. Дворецкий низко ему поклонился, хотя от Таракана не укрылось, как он стрельнул глазами на Гектора – очевидно, догадывался о причине вновь обрётённой молодости своего хозяина.

– Все ваши рыцари собрались, как вы и приказывали. Они с нетерпением ожидают встречи с вами, ваше Георгейшество, – проговорил дворецкий, указывая дорогу.

– Именно это от них и требуется. Мы долго откладывали вопросы Механизма, которые могут понять лишь люди, отмеченные знаком Королевской Звезды, – произнёс Георг низким, командным голосом.

У Таракана сложилось впечатление, что Георг использовал «дела Механизма» как предлог, чтобы заставить подданных ждать, но, будучи правителем Альбиона, он не сомневался, что все будут ждать его столько, сколько потребуется – все, кроме Тёмной драконицы, разумеется.

Таракан и Гектор остановились за спиной Георга, а дворецкий распахнул огромные двойные двери.

Заглянув в открывшийся дверной проём, Таракан увидел идеально круглое помещение. Он слышал об этой комнате; о ней рассказывали множество невероятных историй. В круглой комнате Георга было спланировано немало военных операций по истреблению драконов. Здесь осуществлялось управление Империей и вершилась воля Верховного Конструктора.

Круглая комната была построена над входом в логово Великого дракона Броги, которого победил третий Георг, после чего воздвиг дворец над его домом. В те ранние времена старокельтское слово «вирм» часто использовалось вместо слова «дракон», и эту комнату называли «Зал Вирма».

Под дворцом протянулась сеть извилистых туннелей драконьего логова, и Таракан знал, что если пойдёт по этим коридорам, то в итоге окажется в тронном зале Тёмной драконицы, в бывшем главном покое Броги.

Вот только вход в туннели давно запечатали большой круглой печатью. Она была из разноцветной мозаики и металла с изображением схватки третьего Георга с Брогом.

В середине комнаты стоял стол идеально круглой формы. Тёмное полированное дерево ярко блестело в свете висящих под потолком электриколамп.

Столешница была разделена на четырнадцать секторов, образованных расходящимися от центра стола желобками. В каждом желобке лежал меч, принадлежащий рыцарю, который занимал деревянное кресло с высокой спинкой, стоящее перед соответствующим сектором. Люди, занимающие эти места, приходили и уходили, но сами кресла оставались, и на каждом крепился символ ордена, к которому принадлежал рыцарь; одни символы были вырезаны из дерева, другие отлиты из латуни, золота, ночного серебра или меди.

Когда Георг вошёл, все люди короля встали. Таракан не мог не отметить, что некоторые, озадаченно вскинув брови, оценивающе разглядывают монарха.

Каждый ребёнок в Империи знал имена всех людей короля, их должности и титулы. После Георга это были самые могущественные представители Империи. В детстве Таракан бесчётное количество раз играл в рыцарей вместе с приятелями. Он всегда выбирал роль Первого рыцаря ордена Отваги. Во времена его детства рыцарем Отваги был сир Ричард Денч, однако теперь кресло, украшенное медным сердцем, занимал какой-то незнакомый Таракану молодой человек. Таракан бросил играть в рыцарей после рождения Клары. Звёзды рыцарей зачастую горели очень ярко, но весьма недолго.

Рядом с новым рыцарем Отваги сидел ещё один молодой человек – пожалуй, на год или на два старше Таракана. На высокой спинке его кресла поблёскивал компас, сделанный из латуни и стали. Когда-то это место занимал отец Пейсли – тогда он ещё был Первым рыцарем ордена Исследований.

Всего было тринадцать рыцарских орденов, и за этим столом находился представитель каждого из них: каждый озвучивал насущные потребности Империи.

Два кресла за столом пустовали. На спинке одного искрилась Королевская Звезда из ночного серебра – именно это место и занял Георг, предварительно отстегнув от пояса разукрашенный причудливыми узорами меч и положив его в желобок на столе.

Второе пустое кресло располагалось прямо напротив правителя. В желобке рядом с ним лежали фрагменты расколотого меча из ночного серебра, а в покрытом пылью и затянутом паутиной кресле восседал древний скелет – останки сира Джейкоба Пью, первого и единственного рыцаря Завесы.

Из уроков истории Таракан знал, что сир Джейкоб Пью умер от руки первого Георга в момент своего назначения главой ордена, и его останки поместили в это кресло. Сиру Джейкобу Пью было предназначено служить Георгу за Завесой на протяжении вечности, а его орден состоял из рыцарей, павших в битве, – все рыцари, умершие с именем Георга на устах, должны были продолжать свой путь за Завесой. Считалось, что они помогают поддерживать там порядок и останавливают любого Великого дракона, который мог бы попытаться вернуться в Небесный Механизм.

Остальные кресла были заняты мужчинами разного возраста: одни, как рыцарь Отваги, были немногим старше Таракана, большинство находились в возрасте Гектора, а некоторые годились лорду Гектору в отцы или даже в деды.

Внимательно рассматривая лица рыцарей, Таракан следом за Гектором направился к нескольким незанятым местам среди стульев – они выстроились вокруг стола длинной вереницей, прерывающейся только у двойных дверей. На этих местах разместились паладины и оруженосцы рыцарей, некоторые держали ручку и бумагу, готовясь записывать.

Георг взмахнул рукой, и все снова сели под аккомпанемент тихого перешёптывания.

Пока все усаживались, рыцарь, занимающий стул напротив Таракана, повернулся и впери суровый взгляд в сидящего рядом с Тараканом маленького мальчика лет двенадцати: тот так вертел в руках ручку и бумагу, будто его звёзды раскачивали его путь.

Таракан узнал этого рыцаря: небесный архитектор Харман, рыцарь Небесного Механизма – на спинке его кресла сияли золотые пути Вселенной.

Таракан ненавидел всех механиков почти так же сильно, как людей двора, и, рассматривая спинку кресла небесного архитектора Хармана, он поневоле думал о том, что золотые круги над головой механика можно было бы использовать как удавку.

Небесный архитектор Харман заговорил первым:

– Мы все надеемся, что вы в добром здравии, ваше Георгейшество. До нас дошёл слух, будто вы захворали.

В его голосе прозвучал едва уловимый вызов, и Таракан не сомневался: Георг тоже его уловил. Правитель недобро улыбнулся небесному архитектору Харману и сказал:

– О моих звёздах и о моём пути всегда ходят слухи, но, как видите, и то и другое сияет ярко, а я совершенно здоров. Ни вам, ни вашим механикам не нужно искать новую Королевскую Звезду; уверен, что Империя ещё много оборотов будет процветать под моим управлением.

Таракан видел, каким взглядом Георг наградил Хармана, когда тот ответил:

– Разумеется, я уверен, что, даруя вам Королевскую Звезду, Верховный Конструктор наделил её силой и долголетием. Не все прежние Георги могли похвастаться столь длинными путями.

– От нашего внимания не укрылось, – продолжал Георг, отводя взгляд от небесного архитектора Хармана и поочерёдно оглядывая всех собравшихся за столом, – что прошлой ночью моя Империя подверглась нападению. – Георг помолчал. – Северные королевства послали своих кригаров сюда, в Альбион, в Лондон, прямо к моему порогу. Прошлой ночью в наших небесах и на наших берегах кишели варвары, прилетевшие верхом на драконах.

– Ваше Георгейшество, – заговорил старик, сидящий в кресле, на спинке которого сиял знак солнца, – мы в ордене Иллюминации не получали таких сведений. Если бы это было правдой...

– Вы мне не верите? – перебил его монарх.

– Что вы, мой Георг, просто... – старик умолк и, оглянувшись, нашёл взглядом одного из своих оруженосцев.

Со своего места поднялся крепко сбитый бородатый человек средних лет, низко наклонился к старику, и они принялись о чём-то шептаться, после чего бородач поклонился правителю и поспешно вышел из комнаты.

Георг продолжил:

– Как вы все знаете, Северные королевства стали невероятно дерзкими после исчезновения Пламени Души. Они ошибочно считают, будто это мы похитили камень.

Таракану стало неудобно, и он слегка поёрзал на стуле.

– Одна лишь мысль о том, что нашим рыцарям пришлось бы отправиться так далеко на север... но у меня есть основания, что варвары из Северных королевств ответственны не только за вторжение на нашу территорию. Я получил сведения о том, что на них лежит вина за смерть одного из моих граждан, точнее гражданки, да к тому же супруги павшего рыцаря: профессора Виолетты Фицуильям. Перед тем как убить эту даму и сбежать, похитив её сына и её коллегу доктора Лэнгли, они вынудили её провести эксперимент с великой кометой Вольстенхольма, из-за которого все мы теперь в опасности. Сир Хью, что вы и ваши учёные на это скажете?

Таракан не мог поверить своим ушам: Георг преподнёс рыцарям историю, которую узнал от Тёмной драконицы, только вывернул её наизнанку. Уже не в первый раз Таракану пришло в голову, что во всей этой ситуации есть доля горькой иронии: Георг, последний в длинной череде монархов, которым судьбой предначертано очистить Империю от драконов, сидит в круглой комнате над сетью туннелей, скрывающих берлогу Тёмной драконицы, и получает от неё приказания.

Сир Хью кашлянул.

– Мой Георг, профессор Виолетта Фицуильям погибла несколько дней назад в результате несчастного случая в парящем районе Верхний Гринвич, она никак не могла...

– Изменился ли путь кометы вчера ночью? – спросил Георг, в упор глядя на сира Хью.

– Ну... да, и весьма резко... вообще-то мне нужно поговорить с вами о...

– А случилось ли профессору Фицуильям прежде изменять траекторию движения этой кометы?

– Она это делала, мой Георг, но...

– Способен ли кто-то ещё совершить такое?

– Нет, насколько мне известно, ваше Георгейшество.

Георг едва заметно улыбнулся, а вот сир Хью выглядел встревоженным.

– Тогда предлагаю считать моё предположение верным: кригары обошли нашу систему защиты, навредили нашим людям и сдвинули комету. И с какой же целью?

Сир Хью снова кашлянул.

– Сир Хью? – Георг взмахнул рукой.

– Как я уже сказал, прошлой ночью мы зафиксировали значительное движение кометы. Наши лучшие математики много раз проводили вычисления, и, похоже, теперь комета направляется прямо к нам, к Земле, к Альбиону. Есть вероятность, что её путь разминётся с нашим,

и мы все надеемся, что Верховный Конструктор так и запланировал, однако с великой долей вероятности этого может не случиться. Также мы провели дополнительные наблюдения и выяснили, что в Небесном Механизме произошли и другие изменения, которые крайне меня беспокоят. – Говоря это, сир Хью заметно дрожал, и Таракан почувствовал, как исходящая от учёного тревога расплзается по комнате, захлёстывая всех, кроме монарха.

– Ясно, – произнёс Георг, не сводя глаз с учёного. На его скулах заиграли желваки, взгляд потяжелел. – Кажется, Верховный Конструктор испытывает нас. Уже не в первый раз наша способность следовать predeterminedенному пути подвергается проверке. Мы выстоим. Мы не свернём с предназначённого нам пути!

В эту секунду вернулся бородатый оруженосец из ордена Иллюминации, торопливо подошёл к старому рыцарю, главе ордена, и что-то зашептал ему на ухо.

– Эй, ты, скажи это нам всем! – взревел Георг.

Бородач выпрямился, сглотнул, потом слегка поклонился:

– Ваше Георгейшество, прошлой ночью в Лондоне, точнее рядом со старой обсерваторией, видели кригара, а утром его же заметили на ближайшем рынке. Наши оруженосцы свидетельствуют о том, что ночью в обсерватории проводился какой-то эксперимент. Очевидно, потом этот кригар разрушил машину и... есть признаки того, что в это дело вовлечены ходящие с драконами.

Георг вскочил с места и ударил кулаком по столу:

– Кригары и ходящие с драконами вступили в сговор?! Да, эти женщины слишком долго попирали законы Империи, и неудивительно, что они заключили союз с нашими врагами. Довольно! Мы не потерпим подобного беззакония от Северных королевств и тем паче от их приспешниц, ходящих с драконами! Мои верные рыцари, помазанные люди короля, в вашей судьбе, предназначённой звёздами, написано, что вы должны служить мне и защищать нашу великую Империю. Пришло время увидеть, как предсказанное вам звёздами сбывается! Готовьтесь к войне!

Глава седьмая. Обещание Георга

Пейсли шла к вокзалу Кингс-Стар, и диск с предсказанием судьбы оттягивал ей карман пальто. Лежащий перед ней путь был тёмным и мрачным: где-то впереди находился Дэкс, но дорога, ведущая к нему, казалась непроходимой.

В писаниях говорилось, что путь следует проходить шаг за шагом. Ставь одну ногу перед собой и верь, что тебя ведёт Верховный Конструктор. Вот только Пейсли уже не знала, верит ли Верховному Конструктору. С тех пор как она получила свои первые звёзды, её путь принёс ей множество разочарований и горестей; она боялась, что вторые звёзды тоже сыграют с ней злую шутку.

– Куда теперь? – спросил Хэл, поправляя висевший за плечами рюкзак.

Пейсли огляделась, собираясь с духом, и постаралась выбросить дурные мысли из головы.

– Туда. – Она указала в нужную сторону и зашагала дальше.

Чем дальше они шли, тем оживлённее становились улицы. Пейсли прижала к животу свою сумку из драконьей кожи, вспомнив о спрятанном в ней яйце. Она постоянно задевала рюкзаком прохожих и то и дело оглядывалась, не потерялись ли Оделия и Хэл в толпе.

– Что все эти люди здесь делают? – поинтересовалась Оделия. – Ваш народ всегда сбивается в такие большие толпы? Нижний Лондон такой странный.

Пейсли пожала плечами.

– Понятия не имею, что здесь происходит, – ответила она и вытянула шею, пытаясь разглядеть, куда все идут.

Нескончаемый людской поток тёк вперёд подобно реке, и Пейсли, не успев опомниться, очутилась в самом его центре, где обнаружила, что, увлекаемая толпой, движется вовсе не к вокзалу, а в другую сторону. Она попыталась бороться с течением, однако, сделав шаг в нужном направлении, тут же была вынуждена отступить на три или четыре шага.

Оглядевшись, Пейсли не увидела ни Оделии, ни Хэла. У неё перехватило дыхание, она завертела головой по сторонам, высматривая своих спутников. Кое-как протолкавшись к ближайшему зданию, девочка поднялась по ступеням крыльца, чтобы лучше видеть. Прочёсывая взглядом людской поток, она гадала, не воспользовался ли Хэл возможностью сбежать. Она отчаянно пыталась разглядеть его в толпе, уже подумав, как вернуть Дэкса без помощи кригара, однако Хэл нашёл её первым.

– Где Оделия? – выпалила Пейсли.

Хэл тоже стал оглядывать толпу.

– Вон она! – Он указал куда-то в центр улицы.

Приглядевшись, Пейсли действительно увидела ходящую с драконами: та прокладывала себе путь через людскую массу, только двигалась не к Пейсли и Хэлу, а туда, куда шла толпа. Пейсли посмотрела вдаль, поверх голов, и у неё упало сердце.

– Виселицы! – воскликнула она, толкнув Хэла локтем в бок, и указала пальцем на возвышающийся в конце улицы помост, вокруг которого собрался глумящийся народ.

– Что происходит? – спросил Хэл.

Пейсли затрясло, ладони стали влажными, а дыхание – прерывистым.

– Люди короля собираются повесить тех, на ком есть драконье прикосновение... – Договорить Пейсли не смогла, потому что при виде виселиц тут же представила, как Дэкс с его драконьей ногой болтается в петле. – Нужно добраться до Оделии! Если её обнаружат, то вздёрнут вместе с остальными! – Пейсли сбежала вниз по ступеням и стала ожесточённо проталкиваться через толпу.

Хэл следовал за ней по пятам, и наконец они догнали Оделию.

– Оделия! – Пейсли схватила ходящую с драконами за предплечье и дёрнула к себе. Оделия плавно высвободила руку и ожгла Пейсли гневным взглядом, её глаза опасно блестели, брови были сурово сдвинуты. У Пейсли в горле встал ком, она представила, что может сделать ходящая с драконами, а та снова повернулась и вместе с толпой зашагала напрямиком к виселицам. – Оделия, пожалуйста! – Пейсли бросилась следом, а толпа вдруг разразилась громкими криками.

За помостом тянулась стена, отделяющая улицы Лондона от тюрьмы, и в стене открылась дверь. Пейсли стало нехорошо: на помост вывели двух женщин.

– Марея! – воскликнула Оделия, глядя на более юную узницу. Обе женщины были в белых платьях, и от этого зрелища у Пейсли кровь застыла в жилах.

Та женщина, что постарше, поскользнулась, шагая по ступенькам, кандалы на её запястьях и лодыжках зазвенели. Марея остановилась и помогла своей спутнице подняться на ноги; люди двора толкали узниц вперёд, толпа улюлюкала.

Пейсли почувствовала, что ей трудно дышать, уши заложило от злобных криков.

– Убить драконов!

– Повесить их!

– Оборвите их грязные пути, погасите их нечестивые звёзды!

– Пожалуйста, Оделия, я не хочу на это смотреть! – взмолилась Пейсли и снова потянула ходящую с драконами за руку.

– Я не могу уйти, – прошептала Оделия, почти прижимаясь губами к уху Пейсли.

– Тебе их не спасти! – прошипела Пейсли. – Тут слишком много народу!

– Знаю! – рявкнула Оделия. – Но это мои сёстры; я должна засвидетельствовать, как погаснут их звёзды.

Пейсли обернулась и, посмотрев на виселицы, увидела, как молодая женщина, Марея, гордо выпрямившись, стоит перед толпой. На первый взгляд её драконье прикосновение было не заметно, зато Пейсли увидела тёмно-зелёные чешуйки, покрывающие половину лица и шеи старшей женщины; кроме того, чешуя покрывала её левую руку, тыльные стороны ладоней и пальцы, заканчивающиеся когтями.

Зелёные чешуйки напомнили девочке о Дэксе, и она постаралась сдержать уже подступившие к глазам слёзы.

– Оделия, если тебя обнаружат, то повесят вместе с ними, – испуганно прошептала Пейсли.

Толпа вокруг бурлила и глумилась над арестованными.

– Пейсли права, – сказал Хэл. – Своим сёстрам ты не сможешь, а нас с Пейсли подвергнешь опасности, оставаясь здесь.

Оделия, явно борясь с собой, посмотрела на Марею, и в эту секунду ходящая с драконами заметила Оделию в толпе. Их глаза встретились; они едва заметно кивнули друг другу, и Оделия, поникнув, заплакала и тихо проговорила:

– Пусть Ану вечно хранит ваши звёзды горящими, сёстры.

Когда она отвернулась от виселиц, Хэл схватил их с Пейсли за руки и потащил обратно сквозь толпу, а люди с готовностью заняли освободившиеся места.

Пейсли слышала приглушённые расстоянием крики зевак, но заставила себя не оборачиваться и смотреть только вперёд; по лицу шагающей рядом Оделии ручьём текли слёзы.

Наконец выбравшись из толпы, они повернули за угол на улицу, ведущую к вокзалу Кингс-Стар, и остановились, оставив позади ликующий рёв толпы – казалось, в мире не осталось других звуков.

Пейсли почувствовала, как болезненно сдавило грудь, и она кулаком вытерла слёзы. На месте тех несчастных мог оказаться кто угодно: Дэкс или Оделия – вот только в чём их вина? В том, что они не такие, как все? Как Пейсли или кто-то ещё может допустить такое?! Она

вдруг пожалела, что даже не попыталась спасти двух ходящих с драконами, не бросилась в бой, чтобы их освободить. Но к чему бы это привело? Что случилось бы с Одеией и Хэлом?

Толпа продолжала радостно вопить, Хэл вёл своих спутниц к вокзалу, а Пейсли дала себе клятву, призвав в свидетели все звёзды мира: если она действительно сломала Механизм, то она его починит и непременно сделает так, чтобы ничего подобного больше никогда не произошло.

Глава восьмая. Вокзал Кингс-Стар

Пейсли стояла рядом с Хэлом на платформе; её до сих пор трясло. Она посмотрела на стоящий перед ними поезд и несколько раз моргнула, пытаясь привыкнуть к тому, что вокруг идёт обычная жизнь. Люди как ни в чём не бывало движутся каждый по своему пути, в то время как на соседней улице... Она глубоко вдохнула и сжала кулаки.

Над платформой висели большие часы, и, согласно расписанию, вот-вот должен был прийти шестичасовой поезд на Инвернесс. Они на целый час опоздали на встречу с Корбеттом, и Пейсли отчаянно высматривала его на станции, хоть и знала, что его здесь нет.

– Никогда не видел таких поездов, – сказал Хэл.

Пейсли поняла, что, уже успев посмотреть на поезд несколько раз, до сих пор не осознала, что именно видит: она ещё раз оглядела оливково-зелёные бока вагонов, плавные изгибы и скруглённые очертания – поезд был внушительный, монолитный. У него не было колёс: состав парил над рельсами благодаря электромагнитному полю.

– Этот тип магэлектрикотранспорта называется «лэйтуэйт». Считается, что такой поезд очень быстроходный, – сказала Пейсли, усилием воли сосредоточившись на ничего не значащей, но успокаивающей болтовне. – В Америке таких полно, но в Альбионе это первый подобный состав. Мама рассказывала, что власти планируют построить путь над морем прямым во Фракию. – При мысли о матери у неё перехватило дыхание.

– Интересно, каково это – ездить на таком поезде? – пробормотал Хэл, подходя ближе к вагонам.

Лэйтуэйт тихо гудел, едва заметно покачиваясь возле перрона.

– Ну, сейчас мы это выясним. Идём. Наверное, Оделия уже там, – сказала Пейсли, сверяя номер вагона с номером в билете. – Она открыла двери и жестом предложила Хэлу зайти внутрь.

Внутри вагон оказался очень большим и напомнил Пейсли об элегантных отелях и ресторанах в парящем районе Верхний Кенсингтон. Оделия уже сидела в купе; Пейсли решила, что им всем лучше ненадолго разделить, чтобы дать возможность Оделии немного побыть одной. Подойдя к ходящей с драконами, Пейсли увидела, что та с невозмутимым видом смотрит в окно, однако явно была напряжена.

Хэл плюхнулся на мягкое зелёное плюшевое сиденье напротив Оделии и устало, с облегчением вздохнул. Пейсли огляделась: стены купе были обиты панелями из тёмного дерева, а мягкий электрикосвет напомнил о библиотеке в клубе дяди Гектора.

– Всё тихо и спокойно, – доложила Оделия, не отрывая глаз от платформы за окном. – Я прошла по поезду и не обнаружила ни следа людей двора.

Пейсли сняла рюкзак, запихнула его на багажную полку и села рядом с Оделией. Сняв с плеча сумку, она быстро проверила, как там драконье яйцо, и, убедившись, что всё в порядке, положила сумку рядом с собой на сиденье.

– И ни следа Корбетта? – спросила она. – Вы уверены, что он уехал на пятичасовом поезде?

Оделия едва слышно вздохнула:

– Да, мы ведь велели ему поступить так, а он мог не успеть пройти через весь поезд, чтобы найти нас, прежде чем уехать. Иначе он бы дождался нас на платформе; вы же знаете, он бы нас дождался.

Пейсли кивнула: верно, Корбетт ни за что не бросил бы их, если бы не знал наверняка, что они просто задерживаются.

– Уверена, когда мы приедем в Инвернесс, Корбетт будет ждать нас там, – добавила Оделия.

Пейсли представила, как Корбетт ждёт их на платформе: сидит на скамейке, плотнее запахнувшись в пальто Таракана, и поминутно поглядывает на часы.

На перроне засвистел свисток, и поезд слегка вздрогнул, потому что начали захлопываться двери вагонов. Лёгкое гудение сделалось громче, и Пейсли ощутила приятное волнение: поезд слегка приподнялся над платформой, а потом плавно заскользил вперёд. Она посмотрела на Хэла – тот так широко улыбался, что его шрам стал ещё заметнее.

– Ух ты, какое странное ощущение! – воскликнул он.

Поезд беззвучно и быстро набирал скорость, и мир за окном мчался всё быстрее и быстрее. Казалось, они остались на месте, а движется лишь пейзаж за стеклом.

На миг Пейсли вспомнила своё пребывание за Завесой – тогда она испытывала нечто похожее. Потом её восторг сменился страхом, потому что раздалось негромкое электрикопотрескивание... в центре купе парил тёмный сгусток Завесы. Оделия осторожно взяла Пейсли за руку.

– Пейсли, всё хорошо, – спокойно и мягко проговорила она. – Не нужно пугаться и волноваться. Мы едем на север, скоро встретимся с Корбеттом, а потом вернём Дэкса.

– Дэкса, – повторила Пейсли, не сводя глаз с обрывка Завесы.

– Да, Дэкса. Закройте глаза и сосредоточьтесь на каком-нибудь счастливом воспоминании, в котором есть только вы и Дэкс.

Пейсли крепко зажмурилась, отгораживаясь от Завесы, и представила, как они с Дэксом собирали модель Небесного Механизма в день малых оборотов.

Рука Оделии, сжимавшая запястье Пейсли, расслабилась, и, открыв глаза, девочка увидела, что сгусток Завесы исчез.

– Как... как вы узнали, что это сработает? – спросила Пейсли.

– Я не знала – просто вспомнила, как вы говорили, что испугались, когда на рынок влетели обрывки Завесы. Мне пришло в голову, что их появление зависит от того, какие эмоции вы испытываете.

– Кажется, твоя догадка верна, – кивнул Хэл. Он немного побледнел и сидел, вжавшись в спинку сиденья. – Выходит, ты можешь вызывать эти штуки? – обратился он к Пейсли.

– Понятия не имею, как я это делаю, но, похоже, так и есть.

Некоторое время они молчали, потом Хэл встал:

– Кто хочет есть?

– Пойду я, – сказала Пейсли. – Если тебя увидят, то могут догадаться, кто ты такой. – Она хотела было подняться, но Хэл вскинул руку и произнёс с прекрасным новокельтским акцентом:

– Не тревожьтесь так, милая Пейсли. Я кригар, а у нас много талантов.

Оделия достала кошелёк и протянула Хэлу несколько монет.

– Кроме того, это прекрасная возможность проверить, так ли хороша маскировка, которой обеспечила меня Оделия, – добавил он со своим обычным акцентом и, выйдя из купе, отправился на поиски еды.

Пейсли посмотрела на Оделию:

– Вы ему доверяете?

Оделия кивнула:

– Мы едем на большой скорости: не думаю, что кригар попытается сбежать. Кроме того, я дала ему очень мало денег, и у него нет союзников – кроме нас. Он вернётся.

– И что, теперь он наш друг? – спросила Пейсли. Она подумала о Хэле и вспомнила, как он остался рядом с ней на рынке, как помог ей подготовиться к путешествию, рассказал им о яйце дракона и вывел их с Оделией из толпы, когда они обе не могли самостоятельно уйти от тех виселиц.

– Я ещё не решила, друг ли он, но точно знаю, что мне он не враг, – ответила Оделия.

Через некоторое время Хэл вернулся и принёс три свежее испечённых пирожка и три стаканчика горячего шоколада. Раздав Пейсли и Оделии еду, он достал из-под мышки вечерний номер «Королевского вестника» и положил его на колени Пейсли.

На первой странице под заголовком «ВРАГИ ИМПЕРИИ» были помещены четыре портрета подозреваемых, очень похожих на Пейсли, Оделию, Корбетта и Хэла (на картинке кригар был изображён в своём прежнем образе, ныне скрытом благодаря гриму).

Пейсли, едва не уронив стаканчик с горячим шоколадом, схватила газету и начала читать вслух:

Как стало известно «Королевскому вестнику», прошлой ночью на сердце нашей Империи напала кучка кригаров и ходящих с драконами. Нападение произошло недалеко от столицы, в результате оказались оборваны пути по меньшей мере двух человек. Согласно собранным «Вестником» сведениям, преступники могли вынашивать более масштабные планы; есть даже предположение, что они хотели устроить покушение на Георга. Однако пути злоумышленников не привели их к достижению этой цели, а принимая во внимание тот факт, что сейчас в Империи нет новой Королевской Звезды, вряд ли Верховный Конструктор допустил бы такое.

Небесный архитектор Харман прокомментировал случившееся: «Все мы слишком хорошо знаем, что и кригары, и ходящие с драконами игнорируют принятые в Механизме законы и не живут по предначертанию звёзд. Они не остановятся даже перед нападением на Империю, Георга и Верховного Конструктора».

Люди двора опубликовали изображения четырёх человек – предположительно это двое кригаров и две ходящие с драконами; по нашим сведениям, они до сих пор находятся в Империи.

Если вы увидите этих людей, немедленно сообщите о них властям. Есть основания полагать, что они вооружены и не имеют пути.

Пейсли опустила газету и показала своим спутникам портреты.

– Они неправильно нарисовали мои знаки кригара! – воскликнул Хэл, возмущённо тыча пальцем в страницу. Пейсли не видела его татуировки под гримом, который наложила Оделия, но не сомневалась, что Хэл прав. – Как люди узнают, кто я такой?

Пейсли сдавлено хихикнула:

– Совсем не нужно, чтобы кто-то узнал, кто ты такой, да и нам с Оделией желательно остаться неузнанными, если уж на то пошло.

– Думаю, эти картинки имеют явное сходство с нами, и нам следует быть начеку, – сказала Оделия. Она встала и опустила шторы так, чтобы никто не смог заглянуть в купе из коридора.

– А как же Корбетт? – встревоженно пробормотала Пейсли.

Оделия посмотрела на часы:

– Его поезд прибудет в Инвернесс через несколько часов. Он будет в безопасности со своей семьёй, а вскоре мы к нему присоединимся. Кроме того, это вечерний номер «Вестника», в пятичасовом поезде его никто не прочёл.

Пейсли надеялась, что Оделия права.

Хэл забрал у Пейсли газету и принялся карандашом пририсовывать на своём портрете татуировки.

– Ты говорил, что кригара узнают по его делам, и именно они его прославляют в этом мире, – обратилась к нему Пейсли.

Хэл поднял глаза от газеты и кивнул:

– Верно.

– Тогда почему ты придаёшь такое большое значение этому рисунку?

Хэл пожал плечами:

– Для меня это важно. На севере наши знаки – это часть нашего наследия, наших традиций; они показывают, кто мы как народ, кем является каждый отдельно взятый человек. А эти

знаки – не я, и я не хочу, чтобы кто-то их видел, чтобы меня судили по неправильным знакам, по тому, кем я не являюсь.

Пейсли поёрзала на месте: она явно недооценила кригара и составила о нём неверное мнение.

– Хэл, любой, кто хоть недолго пообщается с тобой, поймёт, что ты хороший человек, что в любых обстоятельствах ты стараешься поступать правильно.

– Считаешь меня хорошим человеком? – Хэл склонил голову набок и внимательно посмотрел на Пейсли своим единственным глазом.

– Да.

Между Пейсли и кригаром пробежала искра понимания: они перестали быть недругами и на один шаг приблизились к тому, чтобы стать друзьями.

– Расскажи мне о своих знаках, – попросила Пейсли, указывая на нарисованные татуировки.

Пока она ела пирог, запивая его какао, Хэл объяснил ей значение всех голубых линий и символов, потом Пейсли рассказала кригару о себе.

Оделия почти не участвовала в разговоре; она читала газету, время от времени кивая каким-то своим мыслям.

Хэл уснул первым, но Пейсли не сомневалась: если что-то случится, и он и Оделия будут готовы. В конце концов девочка тоже задремала. Она чувствовала себя в безопасности, потому что Хэл и Оделия были рядом с ней, и думала о том, что они едут к Дэксу и Корбетту и они всё ближе и ближе.

Глава девятая. Тёмные глубины Лондона

Таракан тащил своего пленника по тёмным канализационным туннелям, протянувшимся под Нижним Лондоном. Весьма разительный контраст с блистательными залами Георга, по которым шпион Тёмной драконицы шёл всего пару часов назад.

Лорд Гектор давал Георгу и его рыцарям советы о том, какую военную стратегию избрать, когда жестяная коробочка, лежавшая у Таракана в кармане пальто, тихо зажужжала. Таракан открыл её и обнаружил, что механический таракашка, сидящий в кармане Корбетта Граббинса, пришёл в движение. В следующую секунду Таракан вскочил с места.

– Всё было бы в десять раз проще, если бы ты не сопротивлялся, – Таракан дёрнул за верёвку, другой конец которой был обмотан вокруг запястий Корбетта. Юный ученик Виолетты Фицуильям спотыкался в темноте и оскальзывался на мокром полу канализационной трубы, пытаясь сбежать от Таракана. – Слушай, я же тебе сказал: она хочет тебя видеть. У неё для тебя есть задание. В твоих интересах поскорее его выполнить, а не устраивать истерику на пустом месте, ясно?!

Корбетт снова стал упираться и изо всех сил дёргать верёвку. Таракан быстро повернулся, сдёрнул с головы Корбетта капюшон и посветил электрикофонариком в лицо пленнику. Корбетт поморщился; его очки лежали в кармане, а рот был заткнут кляпом.

– Поверь, тебе не стоит злить её, да и меня тоже.

Корбетт громко замычал: кляп не давал ему кричать.

– Зря стараешься: никто тебя здесь не услышит. – Таракан посветил электрикофонариком по сторонам, чтобы Корбетт увидел туннель. – Никто не придёт тебя спасать. Твои друзья сейчас едут в поезде на север; она это знает; ей очень многое известно, и большую часть сведений она получает от меня. Например, я рассказал ей о твоём старшем брате Норрисе, о том, как звёзды предназначали ему путь кузнеца-алхимика, и о том, что он возглавит вашу семейную кузницу в Орд. Рассказал, что твой братец, вероятно, женится на своей зазнобе Эффи – если механики сочтут, что их пути сочетаются друг с другом. Жаль, если что-то вдруг случится с их звёздами... – Голос Таракана эхом разносился по туннелю.

Судя по отчаянному взгляду Корбетта, он не ожидал, что Таракану так много известно о его семье. Легко быть сильным, когда опасность грозит тебе одному, когда пострадать можешь только ты, а вот если беда нависла над теми, кого ты любишь, – это совсем другое дело.

Таракан зашагал дальше, и Корбетт покорно последовал за ним по проложенным под самым центром города извилистым туннелям, уходящим всё глубже и глубже под землю, прямо к логову Тёмной драконицы, в котором когда-то обитал дракон Броза.

Тёмная драконица восседала на своём троне из ночного серебра; вплавленные в тёмный металл белые зубы Великого дракона поблёскивали, острые и зловещие.

Таракан наблюдал, как взгляд Корбетта мечется по залу, скользит по восьми стенам, украшенным причудливыми узорами. Интересно, может ли Корбетт прочесть символы, скрытые в рисунках на стенах? В конце концов, он же будущий учёный, ученик небесного физика, и его познания гораздо обширнее, чем у Таракана.

– Приведи его ко мне! – приказала Тёмная драконица, увидев входящего в зал Таракана.

Таракан подошёл к Корбетту и, схватив его за руку, подвёл к возвышающейся в центре зала восьмиугольной платформе, на которой стоял трон. На нём сидела девочка – живое воплощение света и тьмы одновременно. Белоснежные зубы Великого дракона, умершего от руки третьего Георга тысячи лет назад, резко выделялись на фоне чёрного металла трона. Тёмная драконица была крошечной, её ноги не доставали до пола. Волосы её были тёмными, как ночное серебро трона, а кожа – белой, как драконьи зубы. Когда Таракан и Корбетт подошли ближе, она сладко улыбнулась – сама невинность. Однако Таракан знал, что, имея внешность

девяти-десятилетней девочки, Тёмная драконица гораздо старше, чем зубы, на которых она сидела.

– Послушай, – прошептал он Корбетту, – не стоит сердить дракона, особенно этого. Делай всё, что она скажет, и тогда она, возможно, пощадит тебя.

Корбетт повернул голову и посмотрел на Таракана округлившимися глазами. Сунув связанные руки в карман, он выудил оттуда очки; Таракан забрал их, аккуратно протёр и водрузил на нос пленнику. Правая линза треснула – это случилось, когда Таракан схватил Корбетта по дороге от аэростанции к вокзалу Кингс-Стар.

Таракан остановился на ступеньке под тронем Тёмной драконицы и вытащил кляп изо рта пленника. Корбетт стоял, дерзко глядя на красивую маленькую девочку.

– Корбетт Граббинс, – произнесла Тёмная драконица приятным нежным голоском. Она улыбнулась и плавно соскользнула с трона. Она была в высоких чёрных сапожках из драконьей кожи, брюках и куртке – вещь такого покроя неплохо смотрелась бы на одном из людей двора. Чёрный плащ с кроваво-красной изнанкой выгодно оттенял каждую деталь её формы.

Тёмная драконица подошла к краю помоста и остановилась перед Корбеттом так, что их лица оказались на одном уровне.

– Ты весьма необычный человек, – сказала она, одарив юного ученика профессора Фицуильям благосклонной улыбкой. – Машина из ночного серебра, которую ты сделал для Виолетты – это плод высочайшего мастерства, подобного которому я ещё никогда не встречала.

От похвалы Тёмной драконицы лицо Корбетта дрогнуло, выражение испуга и тревоги смягчилось.

– Я живу уже очень-очень давно. Я ходила по Земле ещё до того, как родилась Королевская Звезда первого Георга. Я наблюдала, как первые кузнецы-алхимики изучают тайны незримых металлов, тех драгоценных металлических элементов, которые, как считается, были созданы Верховным Конструктором и выкованы Ану, чтобы сотворить пути Механизма. Я видела, как кузнецы-алхимики передавали свои знания от ученика к ученику, и была там, когда впервые открыли секреты ночного серебра. Я видела, как первый Георг выковал своё копье, как потом он поразил им Эалдордома, первого Великого дракона, который пал. Но никогда за все мои обороты я ещё не видела никого, кто проявил бы такое же искусство в работе с ночным серебром, какое продемонстрировал ты.

На миг на лице Корбетта промелькнула улыбка, но он тут же нахмурился, его щёки вспыхнули. Таракан наблюдал, как Тёмная драконица применяет свою магию.

– Ты не только одарённый кузнец-алхимик, ты ещё и учишься на небесного механика! – Тёмная драконица смотрела на Корбетта большими глазами, полными восторга. – Нет ничего такого, чего бы ты не смог сделать и чего не знаешь.

Корбетт улыбнулся, и Таракан понял, что отныне ученик Виолетты попал в лапы Тёмной драконицы.

– Уверена, ты можешь создать из ночного серебра всё, что угодно.

– Ну, не всё.

– Ты же сделал ту машину, а это было очень сложно, – продолжала Тёмная драконица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.